

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Общественно- политические события и социальные движения

Останкино. Голоса

Интервью с санитарами-добровольцами Станиславом Маркеловым, Николаем Широниным и Ольгой Трусевич1.

Николай Широнин: Вечером в субботу 2 октября 1993 года я совершенно случайно попал на Смоленскую площадь вечером и встретил людей, с которыми мы в 91-м году вместе были на шестой баррикаде2. Они решили сделать санитарную дружину, – не участвовать было в лом, а участвовать на чьей-либо стороне было противно.

Станислав Маркелов: Был в медгруппе с субботы. События начались в воскресенье. «Вече» на Октябрьской площади организовывали на два часа, мы приехали чуть пораньше.

Ник: Мы решили обогнать демонстрацию и пошли дворами к Крымскому мосту, вышли, когда началась драка с ОМОНОм.

Стас: Народ был сильно возбужден и тем, что было утром, когда их гоняли, и вчерашними столкновениями, и тем, что творилось всю неделю. Началось... Разгром милицейских цепей, очень жестокий разгром. Избивали, кидали в них камни, – неизвестно откуда камни взяли. Милицию скидывали с лестницы. Амуницию, щиты кидали в воду. Мы стали оказывать помощь ОМОНу. Это были не милицейские части, а обычные призывники.

Ник: Милиционеров, которые попали в драку, просто разорвали. С моста летели щиты, бронежилеты, дубинки и каски. Что-то, похожее на милиционера, слетело с моста. Были пострадавшие. Женщина лет шестидесяти сказала, что ее ударили дубинкой – рваная рана. У милиционера была разбита голова.

Стас: Мы шли вслед за демонстрантами, не могли поспеть за первой колонной: приходилось все время оказывать помощь раненым. На Смоленской площади трое пострадавших – один милиционер (мы уже не могли ничем помочь), и двое пожарников – ушибы, в драку попали.

Ольга Трусевич: Лежащего без сознания пожарника с пробитым черепом забрала реанимационная машина.

Ник: Человек, который попал под машину: двойной открытый перелом ноги. Милиционеры в автобусах, попытка самосуда. Демонстранты встали в цепочку, не давали толпе пробиться к ним. ОМОНовцы уходили в подворотни, в проходные дворы.

Стас: На повороте – двое гражданских. У одного сильный удар по голове, сотрясение мозга, у другого удар в живот, тоже очень сильный, он не мог продохнуть.

Ольга: Я спросила: «Кто вас ударил?» Ответили – ОМОНовцы. Уложили одного на спину, нашли «Скорую»...

Ник: Побежали в сторону Белого дома, – говорили, там есть раненые. Мы были ближе к началу толпы, которая прорвала блокаду.

Кто-то выступил с речью, собрались брать Останкино, мэрию и Кремль. Потом от затеи брать Кремль отказались.

Толпа двинулась к гостинице «Мир»3. Мы – от головы колонны метрах в пятидесяти. Поднялись в гостиницу. Там был какой-то санитарный пост, скучала женщина с повязкой Красного Креста. Работы у них не было. Внизу началась перестрелка. Люди ходили вокруг БТРа, лезли на него. Второй БТР подожгли горючкой, он загорелся, задымился и на большой скорости ушел в сторону «Баррикадной».

Перестрелка стихла. Появились два человека в форме (друг друга называли «абхазцами», – видимо, воевали в Абхазии⁴), провели десяток пленных солдат-«срочников» внутренних войск. Два милиционера стояли на входе с оружием. Пытались их разоружить – они сказали, без приказа оружия не отдадут. Была попытка самосуда – их отбили: прошел командир «абхазцев», потребовал, чтобы ментов не трогали. Абхазцы капитально готовились к драке, заняли круговую оборону. Стали собирать гранатометы, заряжать... Мы сопровождали пленных – толпа была готова их разорвать.

Стас: Когда были выстрелы, пришлось перевести медпункт во дворы. Оказывали помощь раненым. Когда мы поняли, что надо ехать в Останкино (там будут разворачиваться какие-то события), отряд разделился, часть поехала в Останкино.

Ник: Где-то через час мы влились в колонну, которая шла в сторону Останкино по Садовому кольцу. На Маяковской сели в метро, – опять разделились. В метро было спокойно, как будто ничего не происходит.

Ольга: Стас, Андрей, Сергей, Ира, Володя и я выехали в Останкино. Единственная возможность поехать – в военной машине, вместе со «штурмовиками». Колонны таких

машин формировались у 8-го подъезда.

Стас: Мы подключились к третьей колонне. Ехали вместе с нами французские журналисты.

Ольга: Люди в камуфляжной форме с автоматами были в меньшинстве. Подавляющее большинство «штурмовиков» гражданские, с палками, резиновыми дубинками и заточками.

Стас: Над колоннами были красные и имперские трехцветные черножелто-белые флаги.

Ольга: Мы укрепили на машине флаг с красным крестом. Нас попросили потесниться: «Сейчас сюда войдет вторая казачья бригада». Бригада залезла в кузов – три-четыре казака, остальные просто сборный народ, лет от тридцати пяти.

Стас: Ехали и ребята лет по десять-двенадцать, которые просто, наверное, в войнушку хотели поиграть. С нами не было никакого оружия, только щиты и штыри типа арматуры. Щитов на весь грузовик было штуки три. Мы организовали в Останкино медпункт, тогда не было никаких раненых.

Ольга: Мы разбили медпункт посреди улицы Королева, под фонарем, – быстро темнело. Напротив левого крыла длинного здания телецентра, в полусотне метров от края здания технического центра, от центра будущих событий. Прошло часа два, повстанцы потеряли много времени.

Стас: Часть из нас пошла ко мне домой (я живу в Останкино) позвонить домой и за едой, водой и еще медикаментами, которые оставались у меня дома.

Ник: Мы решили, что событий уже не будет, их было достаточно, было уже темно... Когда мы двинулись уже к Станиславу домой, то увидели подъезжающую военную колонну. Возвращаясь вместе от Станислава, пропустили начало событий. Вернулись, услышали выстрел из гранатомета, перестрелку.

Ольга: Сразу – выстрелы из окон техцентра. Пришлось быстро убегать. Залегли на краю простреливаемой улицы. Я увидела девушку лет семнадцати-восемнадцати, раненую в бедро. Кровь текла по черным лосинам, охал и причитал парень, который зачем-то привел ее сюда.

Стас: Парень пришел с девушкой. Пришли – видите ли, зрелище. Девушка была серьезно ранена. Врач, который перевязывал, сказал: пуля 5,45 в бедро... Было много зевак, демонстранты из Белого дома, но у них ничего не было – флаги, щиты, которые отняли у ОМОНа, от пуль не защитят. Пошли раненые. Много. В основном в глубине парка, – те, кто думал, что находится в безопасности, и не прижимался к земле.

Ольга: Стрельба на время утихла. Медпункт, расположенный в опасном месте, перенесли на край дороги в скверик. Стрельба возобновлялась каждые 5–10 минут, приходилось отступать от одного фонаря к другому, все дальше, а потом вообще в глубь темного сквера.

Ник: Дорога простреливалась, был слышен свист пуль. Появились раненые среди тех, кто был на обочине, в парке. Люди ушли с обочины, медпункт начали переносить с места на место. В одном месте простреливалось, из другого места нельзя было достать раненого.

Стас: Наверное, они сами с трудом разбирали, куда они стреляют. Прицельного огня не было. Но любой огонь, который шел в сторону парка, находил своих жертв.

Мы нигде не могли остановиться, чтобы организовать медпункт, потому что именно в этом месте начинали стрелять.

Ник: Мы еще были близко от дороги, флаг был виден хорошо. По этому флагу было два или три выстрела из винтовки со стороны телецентра. Одна пуля, сбив ветку у нас над головой, серьезно ранила человека за нами глубоко в парке, стреляли по санитарам. Потом – трассы – в толпу, в парк, в ближних людей.

Стас: В Останкино мы все время искали врачей, отряд постепенно пополнялся.

Ольга: Мы разбились на пары – врач и помощник. Один из наших, Андрей, перевязывал раненых, наверное, человек 20. Другой, Володя, на рафике вывез шесть человек раненых, седьмой оказался мертвым. Больше всего раненых было у здания, время от времени оттуда кого-нибудь приносили.

Стас: Часть медгруппы все время там курсировала, и были несколько человек, которые были у флага, у «Красного Креста» с медикаментами, т.е. мы подходили туда, брали бинты и...

Ник: Появились БТРы. БТРы мотались кругами вокруг телецентра. Сначала стреляли по гражданским над головами, в парке были раненые. Люди загородили улицу Королева от БТР двумя автобусами. Какой-то человек решил поджечь автобус – слил горючее на землю, поджег, появилась горящая дорожка от этой лужи до него. Он загорелся, пылал минуты две. Его несли мимо медпункта, я спросил, что с ним, – сказали, умер.

Стас: Обстрел продолжался. Обстрел все время продолжался, он даже ужесточился. Чаше стреляли по парку. Передавали по мегафону: «Расходитесь. Через сорок пять секунд начинается огонь на поражение». Объявляют, после этого – огонь. После этого снова объявляют.

Мы ушли, не видно было наших белых повязок с красными крестами и не было видно флага нашего. То есть был виден флаг – непонятно что – в темноте не разберешь красный крест. Поэтому мы ушли.

Народ там уже лежал и вообще ничего не делал: лишь бы там лежать, лишь бы не убили.

Уходили задами, через улицу, которая шла через Ботанический сад.

Когда пришли ко мне домой, за квартал, окна выходят на другую сторону от Останкино, – через дом пролетали трассирующие пули. Там один человек поехал за лекарствами, чтобы вернуться, – оставался до трех-четырех часов ночи работать.

Ольга: Около половины десятого подошли к концу бинты, – мы снабжали ими всех, кто был готов бегать и перевязывать. Попросилась в автобус – там сидел раненый в плечо, его везли в 20-ю больницу люди, которые собирались затем ехать за подмогой к Белому дому.

Долго стучались в закрытую аптеку. Наконец открыли. Долго не понимали сбивчивых объяснений. Сказали, бинтов почти нет, за семь тысяч рублей продали шесть штук и два больших свертка марли.

Поймала попутку: «В Останкино». – «Зачем вы туда едете? Там стреляет одна чеченская мафия!» Попыталась объяснить, что за целый день не встретила ни одного чеченца...

Прожектор БТРа осветил скверик. В то место, куда попал луч, последовала пулеметная очередь. Уже потом – объявления в мегафон, чтобы все ушли, иначе огонь на поражение. Как будто раньше стреляли не по людям...

А люди не уходили. Я упала рядом с человеком, лежащим под деревом в луже крови. Пуля прошла через шею в затылок.

Приближались БТРы, трассы пулеметных очередей. Пришлось уползать, убежать...

Рядом и впереди бежали люди. Споткнулась – сразу несколько человек кинулись в мою сторону. За трансформаторной будкой я увидела двух раненых, около них было уже человек 15. Парня лет двадцати, раненого в ноги, перевязали, надо было уносить – для этого взяли мой пояс. Мы побежали вглубь сквера, на параллельную улицу, где не стреляли, там раненого погрузили в какую-то машину.

Частные машины помогали: «Скорых» не хватало, и они не подъезжали близко.

Около трех ночи я обошла сзади здание техцентра и вышла к его правому крылу. Стояли пожарные машины и два троллейбуса. Я поднялась в троллейбус – оттуда открывался вид на площадь перед техцентром. Было видно, что все кончено. Пожар почти потушен. Стрельбы у здания не было, внутри все было тихо. Стояли четыре БТРа. Там, откуда я пришла, БТР продолжал расстреливать скверик, посылая туда белые пулеметные очереди.

Опубликовано 28 января 2009 г. на сайте Полит.Ру

Общественная жизнь 1992–1996 гг. в репортажах Станислава Маркелова

Написано для Бюллетеня Левого Информцентра (БЛИЦ)5 и Агентства социально-политической информации (АСПИ)6, публикуется с сокращениями7.

БЛИЦ. №12 1992 г. НОВОСТИ ИЗ ПАРТИЙ И ОРГАНИЗАЦИЙ

8 марта группа левых социал-демократов, представлявших большинство районных организаций СДПР в Москве, провела собрание, на котором была учреждена Левая платформа в СДПР (Московская организация). В платформу вошли левая фракция СДПР (фракция Г.Я. Ракитской), часть представителей фракции социал-демократического центра и ряд не входящих во фракции членов партии.

На собрании было решено провести в конце марта Учредительную конференцию Лево́й платформы в масштабах всей Российской Федерации и вместе с партийными центристами подготовить и предложить намеченному на 7 мая съезду СДПР свой, альтернативный Исполкомовскому, проект резолюции.

Участники собрания отметили, что в сложившейся ситуации они могут и должны способствовать полевению всей партийной политики, в противном же случае весьма вероятен раскол.

В качестве ближайших союзников левых социал-демократов упоминались партия «Новые левые» и неполитизированное рабочее движение. Контактный телефон – XXX-XX-XX (Маркелов Станислав).

БЛИЦ. № 14. 1992 г. НОВОСТИ ИЗ ПАРТИЙ И ОРГАНИЗАЦИЙ

29 марта состоялись переговоры представителя сторонников Лево́й платформы в СДПР С. Маркелова с лидерами фракции Социалдемократического центра СДПР Ю. Вороновым и Е. Мироновым.

Несмотря на разногласия, существующие по вопросам о частной собственности на землю (которую допускают центристы), о направлении реформы собственности (которую центристы, в отличие от левых, видят преимущественно как акционирование), удалось достичь соглашения о выработке единой предсъездовской платформы социалдемократической оппозиции, базирующейся на достаточно широкой концепции «производственной демократии»...

БЛИЦ. № 19. 1992 г. МИТИНГИ, ДЕМОНСТРАЦИИ

1 мая Московская организация социал-демократической партии Российской Федерации провела праздничную акцию в Сокольниках... Едва ли не впервые СДПР заявила о себе как о социалистической организации. Заметнее всего «левеют» Московская, Калужская и некоторые другие ее организации.

На прошедшей в первой половине апреля конференции Московской организации СДПР был сформирован левоцентристский Исполком. Приток в партию новых молодых кадров осуществляется исключительно за счет сторонников Лево́й платформы. Обращает на себя внимание и состав вступающих, среди которых немало бывших анархистов, хиппи, членов ФСОКовских интербригад и других левых.

Кроме того, Фракция Социал-демократического центра признала и внесла в свои программные документы отстаиваемый левыми тезис о передаче предприятий в полное

хозяйственное ведение трудовым коллективам как об одном из возможных путей децентрализации экономики.

Все эти процессы вызывают нескрываемое раздражение у представителей правого крыла партии, в оценках которых центрист Воронов фигурирует как «троцкист», а автор этих строк – как «левый полпотовец».

Реальный баланс сил правых и левых социал-демократов покажет предстоящий съезд СДПР.

БЛИЦ. № 20. 1992 г. СЪЕЗДЫ, КОНФЕРЕНЦИИ

С 7 по 10 мая в Москве и подмосковных Люберцах проходил IV съезд СДПР. Съезд рассмотрел вопрос об изменении тактики социал-демократии на сегодняшнем этапе проводимых реформ и изменения в Уставе. Левые, готовившиеся дать бой на съезде, оказались на нем в меньшинстве.

Первый острый момент был еще в начале съезда, когда члену Правительства П. Кудюкину предложили покинуть либо Правительство, либо партию. Однако большинство съезда отстояло министерский пост П. Кудюкина.

По первому вопросу принята резолюция, предусматривающая «ответственное взаимодействие» с правительством. Изначально была предложена резолюция об «ответственном сотрудничестве» с Правительством. Левые выступали вообще против этой резолюции и предлагали концепцию Г.Я. Ракитской о передаче предприятий в полное хозяйственное ведение трудовых коллективов. Оказавшись в меньшинстве, они поддержали «ответственное взаимодействие» как меньшее зло.

Было отмечено, что проводимая Правительством политика нуждается в корректировках, не ломающих логику проводимых преобразований. Отмечено, что СДПР может взять на себя ряд направлений политики, по которым у нее имеются специальные разработки: приватизация, труд и социальная защита, антимонопольная политика...

(по сообщениям П. Кудюкина и С. Маркелова)

БЛИЦ. № 52. Декабрь 1992 г. СЪЕЗДЫ, КОНФЕРЕНЦИИ

18–19 декабря в Москве прошла объединенная конференция левых социал-демократов и комиссии СДПР по взаимодействию с рабочим и профсоюзным движением...

Среди гостей на конференции присутствовали представители Партии труда, Социально-экологического союза, партии «Новые левые», Российского СТК, Соцпрофа, Российской конфедерации свободных профсоюзов (один из отколов от Соцпрофа) и ФНПР. Делегация Партии труда во главе с А. Исаевым и А. Шершуковым отметила почти полное единство взглядов с левыми социал-демократами и заявила о том, что в ближайшее время имеет смысл слить Комиссию по взаимодействию с рабочим движением ПТ с аналогичной комиссией СДПР, возглавляемой Ракитской.

Зашел разговор о возможном объединении и самих партий. Несмотря на положительную оценку такой перспективы обеими сторонами, решено было не форсировать этот вопрос и ограничиться пока более тесной кооперацией ПТ и СДПР в рамках Конгресса демократических левых сил. При этом решено было вести в партиях работу, направленную на будущее слияние. Была принята политическая резолюция, в которой содержится призыв к переизбранию Съезда народных депутатов и Президента России. При обсуждении проекта Резолюции указывалось, что в зависимости от соотношения сил вопрос о «переизбрании» Президента левые могут трактовать и как отказ от института президентства вообще.

12-13 декабря в Москве прошел Пленум Правления Социалдемократической партии России... Пленум принял письмо к органам власти, в котором подверг резкой критике как Съезд народных депутатов России, так и Президента с правительством и призвал к созыву Учредительного собрания.

БЛИЦ. № 21 (74). Май 1993 г. НОВОСТИ ИЗ ПАРТИЙ И ОРГАНИЗАЦИЙ

28 мая в Москве состоялось расширенное бюролевой фракции в СДПР (Ракитская, Маркелов и Рыжов).

Обсудив перспективы партии после Нижегородского съезда, члены бюро констатировали неизбежность раскола в СДПР. Тем не менее решение вопроса о дальнейшем пребывании в партии решено было отложить до сентября, а в оставшееся время – более четко определить круг будущих союзников и провести пропагандистскую кампанию в центристских кругах СДПР...

БЛИЦ. № 42 (95). Октябрь 1993 г. АГИТПУНКТ

На прошедшей неделе практически завершился организационный раскол московской организации СДПР.

21 октября прошло собрание крыла МО СДПР – сторонников председателя партии Голова, поддерживающего Ельцина. На собрании решено создать свою организацию. Это крыло объединяет около 50 членов СДПР.

23-24 октября прошла конференция крыла МО СДПР, находящегося в оппозиции к режиму Ельцина (в это крыло входит около 120 членов СДПР). Конференция решила, что МО СДПР примет участие в выборах только по территориальным округам и определила союзников по предвыборной борьбе: АОТОС (Ассоциация органов территориального общественного самоуправления), запрещенная властями, МО СДПР выразила готовность стать для нее легальной «крышей», Партия Труда, движение «Смена – новая политика», МФП и ряд других профсоюзных объединений. От участия в блоках для выдвижения общенациональных списков как с ГС, к которому примкнул предполагавшийся ранее основной союзник СДПР – РСДЦ, так и – с СПТ, с которой проводились консультации, решено отказаться.

Конференция МО СДПР дала оценку политической ситуации, в которой отмечается, что государственный переворот 21 сентября спровоцировал кровавую бойню 3–4 октября, что правила проведения выборов создают заведомо неравноправные условия различным субъектам политического процесса. «МО СДПР заявляет, что никогда не питала иллюзий о независимости от номенклатурно-мафиозных хозяев страны как депутатского корпуса, так и административной и судебной власти. Мы заявляем, что у России остается единственный демократический путь к воссозданию государственности – созыв Учредительного Собрания.»

Конференция МО СДПР подтвердила нелегитимность V съезда СДПР (май 1993) так как документально подтверждены многочисленные факты фальсификаций при формировании состава делегатов съезда, признала недействительными все последующие решения правления СДПР и выступила с инициативой созыва внеочередного съезда СДПР. На конференции МО СДПР П. Кудюкин заявил о выходе из состава правления СДПР.

БЛИЦ. № 6 (108). Февраль 1994 г. СОЦИАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ

4 февраля на конференции трудового коллектива Московского автомобильного завода имени Ленинского комсомола администрация предложила пересмотреть коллективный договор и ввести неполную рабочую неделю. Необходимость таких мер дирекция объяснила сокращением производства. На такое заявление конференция ответила объявлением предзабастовочной готовности. В сложившейся ситуации большую активность проявляет пользующаяся влиянием в коллективе местная организация «Соцпрофа» во главе с Ворошиловым.

БЛИЦ. № 23 (125). Июнь 1994 г. МИТИНГИ, ПИКЕТЫ, АКЦИИ

3 июня в Москве, на Пушкинской пл. прошел пикет, посвященный годовщине событий 2 июня 1962 г. в Новочеркасске⁸ и 4 июня 1989 г. в Пекине на площади Тяньаньмэнь. В пикете участвовали человек 50, из них с плакатами и флагами – человек 15... Милиция запретила пикетчикам использовать мегафон, и они рассказывали прохожим о событиях на Тяньаньмэнь и стояли с плакатами: «Нет национализму, диктатуре, сталинизму и фашизму!», «Пиночет приезжает учить или учиться?». Отец комсомольского лидера И.О. Малярова проф. О.В. Маляров стоял с плакатом «2 июня 1962 г. – Новочеркасск, 4 июня 1989 г. – Тяньаньмэнь, 3–4 октября 1993 г. – Москва – это не должно повториться!» Пикетчики распространяли листовки о событиях в Новочеркасске и на пл. Тяньаньмэнь и листовки с призывами Союза интернационалистов.

БЛИЦ. № 24 (126). Июнь 1994 г. СОБРАНИЯ, ВСТРЕЧИ, КОНФЕРЕНЦИИ

В Москве, в помещении общества «Мемориал» прошло первое заседание Левого Исторического Клуба⁹, созданного анархистом-народником Я. Леонтьевым вместо существовавшего ранее клуба «Былое». На заседании, посвященном террористической традиции в русской революции, прозвучали доклады по темам: «Леворадикальное террористическое движение в годы гражданской войны»; «Террористическая традиция

белой эмиграции 20-х годов»; «Боевые организации эсеров в начале века»; «Индивидуальный террор в практике ОГПУ- НКВД-КГБ». В конце заседания развернулась дискуссия о роли террористов Савенкова и Сазонова в русской революции. В зале присутствовали потомки последнего.

МИТИНГИ, ПИКЕТЫ, АКЦИИ

В Москве, на ул. Селезневская, 8, напротив представительства ООН, около 2 недель продолжается голодовка нескольких десятков курдских беженцев из Ирака. 15 голодавших по состоянию здоровья переправлены в больницу. Разбит палаточный лагерь. Участники акции требуют «отправить их в страну, в которой не нарушаются права человека».

АСПИ. БЮЛЛ. № 3. Июнь 1994 г.

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ

12 мая Федерация профсоюзов летного состава (ФПЛС) и объединенный СТК летного состава обратились к Правительству с ультиматумом, содержащим следующие требования: 1. принятие Воздушного кодекса; 2. повышение зарплаты, улучшение условий труда, другие требования социально-экономического характера; 3. увеличение платы экипажам за выполнение коммерческих перевозок, доля которых сейчас составляет 3-5 %. В случае невыполнения этих требований ФПЛС обещала начать забастовку с 16 мая. <...>

1-3 июня прошла предупредительная забастовка работников машиностроения. Организатором забастовки выступил Всероссийский профсоюз работников машиностроения (система ФНПР). По словам Председателя профсоюза Г. Трутова в ней приняло участие около 99 % предприятий отрасли. Выдвинутые требования включали: увеличение заработной платы, взаимное погашение задолженностей по платежам между предприятиями и льготы предприятиям их отрасли по налогообложению. Профсоюз добивается переговоров с Правительством и заявляет, что если его требования не будут удовлетворены, он снимет свою подпись под договором «Об общественном согласии».

СТУДЕНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

4 мая в Московской государственной юридической академии прошло заседание ректората, на котором обсуждался вопрос о взимании платы со студентов в пользу академии за пересдачу зачетов и экзаменов, а также отработку лабораторных работ. За пересдачу экзамена решено было установить таксу в 10 тысяч рублей с последующей индексацией. По поводу оплаты пересдач зачетов и отработок решения на ректорате вроде бы не принималось, но впоследствии выяснилось, что такса здесь тоже установлена: 5 тысяч – за пересдачу зачета и 1 тысяча – за отработку.

Уже на следующий день информация о фокусах деканата просочилась в студенческую среду, где была воспринята как шаг к свертыванию бесплатного высшего образования, тем более что с осени 1994 года половина всех мест в Академии будет платной. Для защиты прав студентов сразу же сформировалась инициативная группа, в которую помимо неполитизированных студентов вошли трое членов фракции Левых социал-демократов в СДПР (О. Шустов, К. Зуев и С. Маркелов) и активист Российского комсомола А. Приходько.

16 мая инициативная группа провела собрание недовольных студентов, на котором решено было создать в Юракадемии отделение только что возникшего независимого профсоюза «Студенческая защита». После оформления всех необходимых документов легализовавшийся профсоюз потребовал проведения переговоров с ректором Академии, тот сказал, что в принципе поговорить со студентами не против, но просил их подождать до конца сессии, надеясь на то, что с началом каникул негодующие студенты испарятся сами собой, а до осени все забудется.

АСПИ. БЮЛЛ. № 4. Июль 1994 г. СИТУАЦИЯ В СТРАНЕ

В середине июня мэр Москвы Ю.М. Лужков принял постановление о повышении платы за «пользование» вытрезвителем с 1750 р. до 1 минимальной зарплаты.

БЛИЦ. № 36 (158). Сентябрь 1994 г.. СОБРАНИЯ. ВСТРЕЧИ. КОНФЕРЕНЦИИ

5 сентября в Москве в помещении общества «Мемориал» прошло в форме научного семинара 10 очередное собрание Левого исторического клуба, посвященное годовщине начала «красного террора». Присутствовало 30–40 человек, в том числе пресса. Основной доклад Я. Леонтьева был посвящен биографии Фанни Каплан. Он привел как чисто любопытные факты, например, что Каплан жила в знаменитом «булгаковском доме» и никогда не была эсеркой, так и весьма сенсационный материал – обсуждалась версия, что стреляла не Каплан, поскольку женщина не в состоянии произвести из браунинга несколько выстрелов подряд в одну точку. Есть подозрение, что она действовала как прикрытие у террористов. На семинаре впервые были зачитаны архивные материалы о казни Каплан – ее расстреле в Кремле. Была приведена и настоящая фамилия Каплан – Ройблат, что в переводе с идиш означает «красный лист». Версия инсценировки покушения, основанная на заявлении Свердлова о том, что это событие предугадывали, докладчиком была отвергнута, так как было большое число свидетелей покушения. Очевидно, что «красный террор» готовился еще до покушения на Ленина и Урицкого – об этом свидетельствуют архивные данные. Также была отвергнута версия, что по просьбе Ленина Ф. Каплан сохранили жизнь.

БЛИЦ. № 37 (159). Сентябрь 1994 г. НОВОСТИ ИЗ ПАРТИЙ И ОРГАНИЗАЦИЙ

7 сентября в Москве состоялось расширенное заседание исполкома профсоюза «Студенческая защита». По информации исполкома, за лето численность профсоюза возросла в несколько раз, появились новые региональные организации, а в Москве организации в тех вузах, где раньше не было, например, Университете Дружбы Народов им. П. Лумумбы, Педуниверситете им. Н. Крупской, Ветакадемии и др.

Решено 14 октября провести всероссийскую акцию в поддержку нового закона о правах учащихся, проект которого дорабатывается юридической группой профсоюза. В конце сентября планируется провести пресс-конференцию, посвященную законопроекту, а также начать листовочную кампанию в поддержку законопроекта.

АСПИ. БЮЛЛЕТЕНЬ № 5. Октябрь–ноябрь 1994 г.

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ

8 октября на Московском монетном дворе объявлено о сокращении половины работников. Все попытки протеста остались на уровне единичных требований. Увольнение вызвано тем, что потребители отказываются от большинства продукции Монетного двора.

НЕПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ

8 сентября в Бутырской тюрьме прошла акция протеста заключенных. По сообщению представителя администрации тюрьмы В. Холопина в акции принимало участие 32 камеры из 202.

По сообщениям администрации, акция протеста была инициирована рецидивистами, но сами ее участники это отрицают.

Суть акции состояла в том, что в ходе нее заключенные отказались есть, курить, принимать лекарства. В последующие дни к ним присоединились заключенные, которые лежали в тюремной больнице. Поступала противоречивая информация о том, что к акции протеста готовы присоединиться заключенные других камер и даже других тюрем. К 11 сентября голодовка постепенно прекратилась, однако осталась инициативная группа, которая голодовку продолжала. Участники голодовки выдвигали требования улучшения порядка в камерах, уменьшения количества людей в камерах предварительного заключения, так как оно не соответствует никаким санитарным нормам, улучшения качества питания, увеличения продолжительности прогулок и своевременной выдачи посылок, которые передаются с воли. Частично требования были удовлетворены, но в основном они остались не выполнены.

АСПИ. БЮЛЛ. № 6. Ноябрь 1994 г.

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ

7 октября Алтайский краевой совет ФНПР принял Обращение к Всероссийскому совету ФНПР, в котором выдвинул требования выплаты задолженности сельскохозяйственному и машиностроительному комплексам и взаимозачета долгов предприятий. Краевой совет обратился к центральному совету ФНПР с предложением отозвать свою подпись под Договором об общественном согласии. Это мотивировалось тем, что сейчас нужно не сотрудничество, а конфронтация и жесткая борьба с официальными властями.

Всероссийский совет ФНПР это обращение проигнорировал.

АСПИ. БЮЛЛ. № 7. Декабрь 1994 г.

СТУДЕНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

5 декабря на заседании исполкома профсоюза «Студенческая защита» был учрежден Молодежный антимилитаристский комитет и принята его Декларация.

В ходе подготовки к намеченной на 10 декабря (Международный день прав человека) акции вновь образованный Комитет, как и сама «Студенческая защита», наладили контакты и

достигли принципиальной договоренности о сотрудничестве с Движением за демократию и права человека, Союзом интернационалистов, Партией труда, Социалистической партией трудящихся, Российским социал-демократическим союзом, обществом «Мемориал» и Союзом солдатских матерей.

10 декабря против Генерального штаба Российской армии активисты «Студенческой защиты» совместно с Союзом солдатских матерей провели небольшой митинг протеста против всеобщей воинской повинности. Представители всех остальных организаций, с которыми в ходе подготовки к акции велись переговоры, несмотря на обещания, к месту сбора не явились. В общей сложности в митинге приняло участие всего около 40 человек, из них 8 – от Движения солдатских матерей и 2 – от Революционной коммунистической молодежи (г. Киев).

На митинге раздавались листовки с Декларацией Молодежного антимилитаристского комитета (МАК). Выступающие лидеры «Студенческой защиты» говорили о перспективах реформирования Российской армии, о судьбе российских пленных в Чечне и задачах пацифистского движения во всем мире. При этом выступление лидера РКСМ И. Малярова было настолько резким, что выступавшая вслед за ним представительница Союза солдатских матерей В. Мельникова сочла необходимым предостеречь молодежь от «крайнего пацифизма».

Акция продолжалась около 45 минут, никто из служащих Генштаба интереса к ней не проявил. Разрешение от префектуры Центрального административного округа было получено, поэтому милиция не вмешивалась.

АСПИ. БЮЛЛ. № 8. Январь 1995 г.

СТУДЕНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

27 декабря 1994 г. в Музее Маяковского, что на Лубянке состоялась новогодняя презентация московского отделения «Студзащиты» (МО СЗ), официально именованная зимним пикником. Если это мероприятие чему-то и соответствовало, то только официальному названию.

Вместо ожидаемых 10–15 чел. пришло более 60...

Лидер МО СЗ Д. Петров выступил с речью, которая не понравилась части присутствующих (осуждения вызвали такие слова, как «карьера» «бизнес» и т.п.). Члены СЗ, относящие себя к анархистам, закричали «Fucking капитализм!», а поскольку все присутствующие были сильно пьяны, скандал закончился всеобщей потасовкой с метанием пустых бутылок и битьем оконных стекол. Зачинщики были изгнаны товарищами по профсоюзу, недовольными тем, что им помешали пьянствовать.

АСПИ. БЮЛЛ. № 9. Февраль 1995 г.

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ

Продолжавшийся много месяцев конфликт в Санкт-Петербургском производственном объединении «Союзпроектверфь» пока что закончился поражением трудового коллектива. <...> В результате собравшийся 10 января на свое очередное заседание стачком констатировал невозможность дальнейшей борьбы. 15 голосами из 19 присутствующих членов комитета было принято решение согласиться на спускаемый сверху проект приватизации. 11 января это решение было подтверждено конференцией трудовых коллективов «Союзпроектверфи».

БЛИЦ. № 9(163). Февраль 1995 г.

ЛЕВОРАДИКАЛЬНЫЕ И МОЛОДЕЖНЫЕ ЛЕВЫЕ ГРУППЫ И ДВИЖЕНИЯ

23 февраля в Москве прошла несанкционированная антивоенная демонстрация. Около 100 хиппи с плакатами «Нет войне!», «Нет весеннему призыву!» прошли от Смоленской пл. по Арбату. От отделения милиции № 5 демонстрацию сопровождали милицейские машины, объявлявшие, что демонстрация незаконна и призывавшие разойтись. Милиция предприняла несколько попыток задержать отдельных демонстрантов, но товарищи их отбили. Демонстрантам не дали возможности подойти к зданию Минобороны, и они прошли на Манежную пл. Несколько раз они пытались вновь повернуть обратно на Арбатскую пл. к Минобороны, но все попытки заканчивались стычками с милицией. В конце концов демонстранты договорились с милицией, что пойдут на Пушкинскую пл., а милиция не будет им мешать.

На Пушкинской пл. хиппи встретились с начавшими собираться коммунистами – участниками демонстрации, посвященной Дню Советской Армии. Коммунисты обзывали хиппи сионистами, а те, в свою очередь, посылали их «на историческую родину», на вопрос, знают ли молодые люди, что такое Родина, те просили не ругаться матом. В разборку хиппи с красными вмешалась милиция, попросив молодежь разойтись, на этот раз они послушались.

Во время шествия между участниками молодежной демонстрации обсуждался вопрос о создании Молодежного Антивоенного Комитета (МАК). Часть решила присоединиться к его созданию.

(по сообщениям Б. Эскина и С. Маркелова)

БЛИЦ. №13 (167). Март 1995 г.

НАУЧНЫЕ ДИСКУССИИ

24–25 марта в Москве прошла научная конференция «Индивидуальный террор в России в конце XIX – начале XX века», организованная Левым историческим клубом. Участвовало около 100 человек, из них не менее 20 докторов наук и профессоров.

В первый день прошли в основном научные доклады, касающиеся террора как левого, так и черносотенного. Приводились примеры, как ряд лидеров черносотенцев в С.-Петербурге переходили в большевистскую организацию.

Дискуссия разгорелась о версии про убийство П.А.Столыпина – были представлены новые факты, говорящие о причастности к этому убийству и царского двора. Некоторые участники конференции эти факты и документы, на которых они были основаны, оспаривали.

Во второй день прошел круглый стол, где завязалась жаркая дискуссия по вопросу о приемлемости террора и возможности его оправдания. В дискуссии участвовал широкий спектр политических активистов от правых националистов и либералов до анархистов. Понемногу дискуссия перешла от обсуждения террора в заявленной организаторами конференции исторической эпохе к проблеме террора вообще, в том числе и в наше время. Известный диссидент – саратовский профессор В. Пугачев высказал точку зрения, что любое убийство является терактом против личности. Автор книги о Нечаеве Ф. Лурье пытался критиковать террор с правовой точки зрения. Профессор из Израиля Л. Прайсман отстаивал точку зрения, что индивидуальный террор недопустим, а допустим только государственный террор. С ними резко полемизировали Г. Кан, анархист из Днепропетровска А. Дубовик и др. Один из членов ЛИК сказал, что лучше бомбы и кинжал, чем танки и самолеты. В последнем слове ведущий – Я. Леонтьев, попытался обосновать индивидуальный террор с точки зрения этического социализма, когда в условиях диктатуры невозможны другие методы борьбы и личность берет на себя персональную ответственность за теракт.

(по сообщениям С. Маркелова и Я. Леонтьева11)

БЛИЦ. № 21(175). Май 1995 г.

ЛЕВОРАДИКАЛЬНЫЕ И МОЛОДЕЖНЫЕ ЛЕВЫЕ ГРУППЫ И ДВИЖЕНИЯ

20–21 мая в Москве, в Парламентском Центре прошел Съезд Студенческих Союзов России (СССР). Присутствовало более 100 человек, представлявших 26 вузов Москвы, 38 регионов РФ, в том числе Ленинград, Новосибирск, Оренбург, Барнаул, Воронеж, Орел, Дагестан и другие, представлявшие организации «Студенческой защиты» и низовых ячеек Российской Ассоциации Профсоюзных Организаций Студентов (РАПОС), Ассоциации студентов сельскохозяйственных вузов – члены РКСМ, КПРФ, АПР, Молодежной партии России, анархисты и др.

Д. Митина (РКСМ, член Исполкома «Студзащиты», г. Москва), выступившая первой, говорила о проблемах общежитий, низкой стипендии, отсрочек от призыва в армию, коммерциализации студентов, необеспеченности учебного процесса инвентарем, трудоустройства после окончания вузов и т.п. Представители с мест приводили массу конкретных фактов в развитие ее выступления. Студент из г. Тулы рассказывал о голодных обмороках у студентов, студент из Дагестана – о массовом взяточничестве... Также приводились примеры сумасшествия студентов в результате пьянки, были рассказы о крысах в учебных заведениях и др.

Перед перерывом выступил Зюганов. Он говорил около 30 минут и касался, в основном, проблем геополитики, нравственности и т.п., рассказал о приватизации Магнитогорского металлургического комбината, то есть исполнил свой обычный репертуар, чем весьма утомил молодежь... Делегаты с мест подвергали критике официальный студенческий профсоюз РАПОС в первую очередь за то, что занимается только распределением путевок и

прочих благ и больше ничем.

Представители «Студзащиты» говорили не столько о проблемах, сколько о проведенных акциях. Ю. Нерсесов представлявший «Студзащиту» С-Петербурга, рассказывал, что еще в 80-х годах студенты начинали акции протеста с теми же требованиями еще при прежней власти. Д. Петров («Студзащита», г. Москва) заявил, что студентам бороться не надо – мы все проблемы за вас решим...

Выступавшего во второй день председателя Исполкома «Студзащиты» Д. Костенко спросили, не боитесь ли вы, что будет как в Китае, и на студентов поедут танки, он не колеблясь ответил – меня первого и раздавят. Крутизна «Студзащиты» вызывала всеобщий интерес, многие делегаты, прибывшие из регионов, где «Студзащиты» нет, выражали намерение создать у себя ее отделения. Выступали также представители ячеек РАПОС и вице-президент Ассоциации сельскохозяйственных вузов С. Редько...

По сообщениям «Студзащиты», самые крупные ее организации в городах Москве – около 1000 человек, Новосибирске – 1500 и Ростове-наДону – 1000 (представители Ростова на СССР не присутствовали).

Депутаты фракции КПРФ рассказывали о предлагаемом ими законопроекте в защиту бесплатного образования, однако этот законопроект во многих выступлениях был подвергнут критике, например, за то, что там написано, что интересы студентов может представлять только профсоюз, в котором состоят не менее 50% обучающихся в данном вузе студентов – выступавшие отмечали, что данное положение будет на руку только официальным профсоюзам.

Съезд Студенческих Союзов России избрал Совет студентов России, в который вошли в основном представители регионов, представлявшие все общественные организации, участвовавшие в съезде. Как объяснил лидер РКСМ И.О.Маляров, новая организация должна включать студенческие организации и отдельных студентов, которые по тем или иным причинам не входят в комсомол или «Студзащиту». Председателем Совета избрана Д. Митина.

(по сообщениям С. Маркелова и Ю. Нерсесова)

АСПИ. Бюллетень №9 (16). Июль–август 1995 г.

ДЕЛА ШАХТЕРСКИЕ

5 августа на одну из шахт Донбасса прибыла комиссия министерства. Рабочие заперли членов комиссии в одном из наземных помещений и отказались их выпускать, пока не будут начаты переговоры о выплате задолженности и улучшении материального положения. Переговоры были начаты, заложники отпущены.

ПРОЛЕТАРИИ УМСТВЕННОГО ТРУДА

Санкт-Петербургский городской Совет Профсоюза работников образования, науки и культуры (ФНПР) принял решение о проведении 28 сентября однодневной забастовки школьных учителей и работников детских садов города. Профсоюз требует ликвидации

задолженности по зарплате, которую не выдают с июня, и увеличения размеров оклада.

БЛИЦ. № 47(201). Ноябрь 1995 г.

НАУЧНЫЕ ДИСКУССИИ

18 ноября в Москве прошло очередное заседание Левого исторического клуба, посвященное 120-летию известного идеолога анархизма начала века А.А. Борового. Присутствовало 25–30 человек. Вел заседание анархист М. Цовма. С воспоминаниями о Боровом выступила Е. Таратута, родители которой (бывшие анархистами), хорошо знали Борового. Затем М. Цовма выступил с докладом о биографии Борового; П. Рябов – о его идейных взглядах и вкладе в теорию анархизма (при этом хвалил Борового за возврат к Бакунину и за неортодоксальность, упрекал Кропоткина за чрезмерно жестко спланированный идеал); Я. Леонтьев – об общественной деятельности Борового в поздний период его жизни (20–30-е годы), когда он уже отошел от активной политической деятельности.

По итогам выступлений прошла дискуссия между анархистами В. Дамье и П. Рябовым в связи с дискуссией начала века между Боровым и Кропоткиным о коллективистском (сторонником которого был Кропоткин) и индивидуалистском (к которому ближе был Боровой) анархизме. Дамье доказывал, что предлагавшееся Боровым направление оказалось тупиковым и не получило развития, а также отметил, что из доклада Рябова можно было понять, что будто у Кропоткина отсутствует интерес к личности, и его интересует только масса – Дамье доказывал, что Кропоткин не отрицал значение личности, но успел описать лишь сообщества, в которых предоставлена возможность развития личности, а касаясь упреков в адрес Кропоткина в жесткой идеологичности, заявил, что если мы хотим звать людей на борьбу с нынешним обществом, то должны знать, за что мы боремся, чтобы наше общество было не хуже нынешнего, и обратил внимание на современный феномен – в последнее время под «неортодоксальностью» понимается уход только вправо, а не влево. Рябов возражал, что проблема личности у Кропоткина проработана слабо и была понята лишь в 60-е годы, но в конце концов несколько смягчил свою формулировку, признав что работы Кропоткина просто не касались вопросов личности, но нельзя сказать, что он ее недооценивал.

На заседании был продемонстрирован документальный фильм из материалов музея П.А. Кропоткина (г. Дмитров) о похоронах Кропоткина. Представитель музея рассказал о посещении музея американским фермером, приехавшим специально, чтобы поклониться Кропоткину как своему духовному наставнику¹².

(по сообщениям С. Маркелова и В. Платоненко)

АСПИ. Бюллетень. № 11 (18). Декабрь 1995 г.

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ

В 20-х числах декабря прошла всероссийская предупредительная забастовка авиадиспетчеров, организованная Федерацией Профсоюзов Авиационных диспетчеров (ФПАД). Требования – повышение зарплаты, выплата задерживаемой зарплаты, большее внимание состоянию материально-технической базы отрасли. В стачке отказались

принимать участие авиадиспетчеры Москвы и Санкт-Петербурга. Итогом забастовки стало создание совместной комиссии ФПАД и МГА.

УЧИТЕЛЬСКИЕ ЗАБАСТОВКИ

К концу января общий долг правительства России работникам среднего образования составил 1,2 триллиона рублей. Из них 222 миллиарда рублей приходилось на задолженность по выплате «отпускных» за лето прошлого года. Практически все учителя России не получали зарплату в течение всей второй четверти.

В трехдневной забастовке, с 30 января по 1 февраля, приняли участие около 300 тысяч учителей, свыше 4000 педагогических коллективов из 51 региона РФ. Не бастующие регионы сообщили Центральному Совету профсоюза работников образования о своей солидарности...

В городе Шуя (Ивановская область) 30–31 января ряд учителей также проводил голодовку с требованием погашения задолженности по зарплате. С 1 февраля зарплату в школах города начали выдавать в связи, с чем, голодовка прекратилась.

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ

В 20-х числах января токарь одного из машиностроительных заводов белорусского города Гродно, которому, как и работающей на том же заводе его жене, в течение четырех месяцев родное предприятие не выплачивало зарплату, предпринял попытку саможжения в помещении заводского профкома. Доведенный до отчаяния рабочий пошел на такой шаг в знак протеста против пассивности официального профсоюза в условиях вопиющего нарушения прав трудящихся. Присутствовавшим в профкоме людям удалось быстро погасить на нем пламя и вызвать «Скорую помощь». В настоящий момент жизнь токаря вне опасности, он лишь получил ожоги первой и второй степени.

На Полярнинском судоремонтном заводе (Мурманская область), где ремонтируются атомные подводные лодки, 4 месяца не платят зарплату. Завод вынужден перейти на работу в половину рабочей недели. Неизбежны значительные увольнения.

Рабочие Северной верфи Санкт-Петербурга также не получают зарплату и в скором времени будут уволены. Министерство обороны полностью и окончательно прекратило финансирование этого предприятия.

АСПИ. БЮЛЛ. № 2 (20). Апрель–май 1996 г.

ПРОЛЕТАРИИ УМСТВЕННОГО ТРУДА

С 4 по 7 марта продолжалась забастовка учителей Сахалина, в которой приняло участие большинство школьных коллективов области. Причиной послужила 2–4-месячная задолженность по зарплате, которая, вопреки обещаниям, не была ликвидирована после общероссийской забастовки работников народного образования, проходившей с 30 января по 1 февраля этого года.

Студенты сушат порох и ждут «Искру»

Должен сказать, что особенность студенческого движения сегодняшнего дня состоит в том, что на него реагируют только депутаты-коммунисты и коммунистические фракции. Именно они помогли организовать форум, представительность которого оказалась в итоге более чем масштабной – приехали делегации студентов из 38 регионов и 24 московских и питерских вузов. Встречали депутатов-коммунистов на форуме чрезвычайно тепло: господину Зюганову были устроены несмолкающие овации, хотя про студенческие проблемы он не сказал ни слова. Единственная шероховатость во взаимоотношениях студенчества и коммунистической фракции связана с вопросом о военной службе. Коммунисты со своих ортодоксальных позиций дают себе право не понимать, почему студенты относятся к этой почетной обязанности как к рекрутству и повинности. На социальные же проблемы студентов – а это нынче самая больная тема – коммунисты реагируют заинтересованно и готовы выступить в роли легальных защитников студенческих требований и полномочными представителями студенчества «во власти».

А ситуация действительно предельная. Ребята из провинции рассказывали жуткие случаи: крысы в аудиториях, голодные обмороки. Беззастенчивое мздоимство преподавателей. Что не странно: им не на что жить, и потому они откровенно продают зачеты и оценки.

Как особый «подарок» приняли студенты и новое постановление, подписанное Черномырдиным, согласно которому вузы обязаны выплачивать стипендии только отличникам и учащимся, имеющим социально ущемленное положение. Остальным же – лишь при наличии средств. Конечно, на эти стипендии невозможно жить, но они были хоть каким-то подспорьем.

Форум продемонстрировал – мне самому это показалось крайне интересным, – что студенты преодолевают политическую аморфность, отказываются от мечты стать поколением кока-колы, бизнеса и карьеры. Включая даже те профессии, которые считаются элитными: экономика, юриспруденция, менеджмент. Особенный накал социальных страстей возник на младших курсах, старшие еще сохраняют аполитичность. Младшие же даже не политизированы – они социализированы. Они социальные требования спокойно переводят в политические, легко воспринимают социалистические лозунги и идеи. Транспарант, с которым вышли на демонстрацию 12 апреля некоторые активисты студдвижения «Капитализм – дерьмо», оказался близок большинству участников форума.

Социалистические идеи студенты уже не связывают с тем, что происходило в стране в течение семидесяти лет.

Сейчас многие сравнивают ситуацию в студенческой среде с преддверием 1968 года – года студенческих революций на Западе. Но у нас положение принципиально другое. В 1968 году выступления студентов во Франции происходили на волне экономического подъема, на фоне роста благосостояния и были спровоцированы тем, что масса студентов-профессионалов не видели возможности самореализоваться и достойно вписаться в общество победившего благополучия. У нас же студенческое движение рождается во времена стабильного экономического спада. И студенты прекрасно осознают свою

ненужность и сегодня, и завтра, и послезавтра. Что касается студентов элитных вузов, обучающихся «актуальным» профессиям – экономист, юрист, менеджер, то тут возникает и другой вопрос: а подходит ли нам это общество? Я прекрасно понимаю, что как юрист смогу найти работу. Но также понимаю, что мне придется работать на те структуры или обслуживать тот государственный аппарат, который меня совершенно не устраивает. Меня заранее ставят в патовое положение: или принимаем наши правила игры, или тебя лишат социального положения и материального благосостояния. Конечно, есть студенты, которые уже сейчас работают на нынешнюю систему. Но много и таких, кто не согласится с правительством, устами одного из своих представителей признавшимся: меньше студентов – меньше проблем. Так что форум проходил под лозунгом: создадим больше проблем правительству.

Аккумулятором студенческой активности стал независимый профсоюз «Студенческая защита». Власть откровенно зажимает права студентов, нарушая не только свои законы, но и международные нормы. Конвенцией 66-го года закреплено, что все государства должны стремиться к переходу от платного высшего образования к бесплатному. У нас идет обратный процесс. Поэтому нам необходима самозащита, продуманная и организованная. Этим занимаются разные течения, уже сформировавшиеся среди студенчества. Прокоммунистическое крыло работает над разного рода структурными связями. Анархисты и радикалы, по своей душевной склонности, занимаются организацией конкретных акций. Социалисты обеспечивают идейную и аналитическую базу. Провинция с надеждой смотрит на Москву, ожидая от нее только искры – пороку у них больше нашего. Точно говорю: скоро заварится очень серьезная каша. Сегодня студенты – это реальная антисистемная сила.

Опубликовано в «Общей газете» в мае 1996 г., № 21

Профсоюзное движение России в 1990-е – 2000-е годы

Интервью Станислава Маркелова социологу и журналисту Александру Бикбову, 6 октября 2008 г.

А.Б.: Можете ли Вы немного рассказать о том, как возникало независимое рабочее движение в России?

С.М.: В советское время независимое рабочее движение было намного мощнее, чем диссидентское. Диссидентское, правозащитное движение было сосредоточено в основном в крупных городах, оно имело связи с Западом, и, когда проводило демонстрации (в три человека численностью), о них там быстро узнавали и сообщали журналистам, через которых информация шла в газеты Европы и Америки.

С рабочим движением не так. Рабочие выступления, в которых иногда участвовало до тысячи и даже по несколько тысяч человек, в советские времена происходили постоянно; так, один канадский исследователь специально занимался этой темой, и он насчитал более

сотни выступлений рабочих. Рабочие выступления были жесткие, причем крайние по жесткости выступления происходили в шахтерских городах. Такая близкая к самоубийству форма выступления, когда люди отказывались подниматься из шахт, происходит именно из советских времен.

Но эти выступления были очень рассредоточены, отсутствовала какая-либо организация, и о них никто в большинстве случаев не узнавал. Была единственная попытка создать что-то вроде польской «Солидарности». Это – СМОТ. На знаменитой манифестации в Новочеркасске рабочие подняли красный флаг, тот же, что висел у них на предприятии, и это одно уже считалось преступлением. Но требовали они хлеба, масла и повышения зарплаты, т.е. их требования были чисто экономическими. Единственным более-менее политическим требованием было: «Долой привилегии!». Других политических лозунгов они еще не поднимали.

В конце 80-х годов, на подъеме демократической волны, рабочее движение было очень доброжелательно встречено либеральной верхушкой. Тогда каждое рабочее выступление фиксировалось либералами, потому что оно было направлено против советской власти и, соответственно, было им выгодно. Многие рабочие лидеры 80-х годов, с которыми я потом беседовал, говорили: «Да, мы это очень хорошо помним, и понимаем, что нас использовали». Поняли они это к концу 1991 года.

Девяносто первый год – это новый подъем рабочего движения в Кузбассе, в Белоруссии (которая до того была полностью лояльна советской власти) и в других местах, в это время появляются независимые профсоюзы.

Естественно, требования рабочих были обоснованными, ведь существовали привилегированная элита и профсоюз, который ничего не делал и фактически включал в себя администрацию предприятия. Самое интересное, что после 1991 года ничего не изменилось: преимущества получила та же самая элита, что и до 1991 года, те же самые люди, только они получили статус коммерсантов, а не директоров. При этом официальные профсоюзы стали играть роль объединения рабочих для их подневольного труда в качестве фактически рабов этих коммерсантов.

На тему преобразования верхушки бывшего партактива в коммерсантов могу привести такой интересный факт. В свое время мне довелось познакомиться с каталогом внутривнутрипартийной библиотеки КПСС, с отметками о запрашиваемости тех или иных изданий. Как выяснилось, наибольшей читательской популярностью пользовались книги по менеджменту и бизнесу, изданные на Западе, их брали многократно. Запрашиваемость книг по рабочему движению, по вопросам научного коммунизма и т.д. была в сотни раз ниже.

Вернемся в конец 80-х годов. В это время произошел резкий переход профсоюзного движения на совершенно другие рельсы. Часть профсоюзов была перекуплена, причем настолько откровенно, что это напомнило ситуацию в США 20-х годов.

А.Б.: А кто, собственно, перекупил?

С.М.: Это делали местная власть и бизнес. В условиях России было особенно заметно их сращивание, бизнес руководил властью. Такая участь постигла КСПР – союз независимых профсоюзов, и это только самый яркий пример, были и другие.

С другой стороны, вскоре изменился характер рабочих выступлений, что было связано с социально-экономической ситуацией 90-х годов, когда предприятия останавливались, а хозяева распродавали основные фонды. В 90-е годы рабочие выступали не непосредственно в защиту своих прав, а за то, чтобы предприятия продолжали работать. Такие выступления у нас законодательно не регламентированы, но, несмотря на то, что теоретически у нас разрешено все, что не запрещено законом, на практике такие выступления запрещали.

Против традиционных форм протеста – забастовок – власть и бизнес не возражали, поскольку забастовки, означающие остановку предприятий, вполне соответствовали тому, что происходило, и были выгодны и власти, и бизнесу. Их позицию можно было бы сформулировать следующим образом: «Бастуйте, вперед! За это время мы успеем все распродать, своровать, получить быстрые деньги и переехать с ними на Запад. А вы – умирайте!»

В 90-е годы по стране прокатилась волна голодных бунтов, вызванных остановкой предприятий, причем власти, уже либеральные власти, скрывали факты этих бунтов. Рабочие прибегли к тем методам сопротивления, которые на Западе считаются наиболее радикальными, – к перекрытию транспортных путей.

Пример одного из наиболее ярких антиприватизационных выступлений – это история с Выборгским целлюлозно-бумажным комбинатом. Это было наиболее известное дело, и в этом деле я принимал участие. Выборгский ЦБК – уникальное предприятие, таких всего два в Европе. Его приватизировали, как всегда с множеством нарушений (как потом выяснилось, ЦБК был продан в общей сложности за 16 тыс. рублей). И вот рабочие ЦБК ждут нового хозяина, чтобы начать работать, а хозяин не появляется. И рабочие начинают его искать. А тем временем хозяин, находящийся в розыске по линии Интерпола, уже предприятие акционировал, акции продал и получил фантастические дивиденды. Не найдя хозяина, рабочие захватывают предприятие, выпускают единственную акцию, которую передают ими же созданному профсоюзу Выборгского ЦБК, и начинают работать, а предприятие начинает приносить доход и выплачивать налоги государству. А ведь до этого оно несколько лет не приносило ничего, а люди жили буквально на подножном корму!

И чем дело кончилось? Дело кончилось ОМОНОм, причем не просто ОМОНОм, а «Тайфуном», спецподразделением по подавлению волнений в местах заключения. ОМОН ворвался на предприятие, при этом были жестоко избиты несколько десятков человек, в том числе женщины.

После того как ОМОН взял штурмом предприятие, рабочие смогли заблокировать ОМОН. В ответ развернулась кампания в либеральной прессе, причем зачастую с требованиями привлечь к ответственности не ОМОН, а рабочих. Кампания была направлена не против хозяев и властей, а против рабочих, которые смогли поставить это уникальное предприятие на ноги.

А.Б.: В чем была причина такой реакции либеральной прессы? Это была боязнь реставрации коммунистического режима или что-то еще?

С.М.: Я думаю, что боязнь реставрации коммунистического режима – это прикрытие, даже компартия в последнюю очередь хотела приходить к власти, ее верхушке и так неплохо жилось. Кампания против рабочих Выборгского ЦБК выражала боязнь пересмотра итогов приватизации.

А.Б.: И что, либеральные журналисты так были в этом заинтересованы?

С.М.: А, собственно, кто им платит? [Смеется.] Выборгское дело показало крайнюю слабость профсоюзного движения, которое до самого последнего момента сохраняло веру центральной власти, считая, что «наверху» порядочные люди, а бандиты – только на местах, и стоит только показать продажность местной власти, как Москва разберется. «Раз мы правы, нам не нужно доказывать свою правоту», – говорили участники выборгского выступления. И так они проиграли все суды, ведь у них не было даже юристов. В итоге именно против рабочих возбудили уголовное дело по статье «массовые беспорядки», а это – до 15 лет лишения свободы. Кроме того, им инкриминировали воспрепятствование судебным исполнителям и сотрудникам правоохранительных органов. Но и после этого профсоюзные активисты говорили мне: «Мы же правы! Нам не нужна никакая защита, суд разберется». Слава богу, этой опасности удалось избежать, но Выборгский ЦБК оказался распродан. Рабочие, показавшие, что, когда они берут власть на предприятии, оно начинает работать намного эффективнее, оказались разгромлены.

Следующим очень ярким показателем активности рабочих были забастовки, организованные профсоюзами авиадиспетчеров, докеров и моряков. И их действия всегда приводили к желаемому результату, в отличие от выступлений всех остальных.

А.Б.: А шахтеры в конце 90-х?

С.М.: Ситуация с шахтерами была принципиально иной. Шахты закрывались, основные фонды распродавались, и шахтеры оказывались просто ненужными, в отличие от авиадиспетчеров, моряков и докеров.

В 2000 году произошел поворот, когда уже новый бизнес, окончательно сросшийся с властью, стал работать не на спекулятивных сделках, а рассчитывать на долгосрочную прибыль. Соответственно он был вынужден создавать постоянные рабочие места и сохранять постоянные условия работы. Руководством корпораций стали создаваться свои профсоюзы, например – профсоюзы работников ЮКОСа, Газпрома... Занимались они тем же, чем и советские профсоюзы 70-х годов: распределением путевок, мелким улучшением в социальной сфере, т. е. тем, чем в западных компаниях занимается менеджер по работе с персоналом. Соответственно у многих в уставах и договорах был прописан запрет на забастовку.

С другой стороны, продолжает действовать этот монстр – ФПК – ФНПР – Федерация независимых профсоюзов России, которая объединяет внутри себя как работников, так и работодателей, что совершенно неправомерно юридически. Когда я на официальном уровне

общался с Андреем Исаевым , – а это человек, прошедший путь от анархиста до одного из лидеров «Единой России», побывавший функционером ФНПР, а сейчас возглавляющий Комитет Госдумы по труду и социальной политике, – он утверждал, что ФНПР – это нормальный профсоюз, потому что состоящие в нем менеджеры высшего звена и директора тоже наемные работники, наряду с рабочими. Но в новом Трудовом кодексе, который был разработан с участием того же Андрея Исаева, прописано, что менеджеры, управляющий персонал являются представителями администрации. Следовательно, существование такого профсоюза, как ФНПР, незаконно. У этого «профсоюза», владеющего домами отдыха и банком, даже нет забастовочного фонда, ведь он не организует забастовок.

А.Б.: А банк как называется? «Солидарность»?

С.М.: «Солидарность».

В новом трудовом законодательстве деятельность профсоюзов очень сильно ограничена. Во-первых, официально запрещены забастовки солидарности. Во-вторых, создана очень хитрая система: на предприятии есть несколько профсоюзов – независимый профсоюз и ФНПРовский, и они выступают от имени какого-то количества рабочих (например, для заключения коллективного договора), а мнения их разошлись, то принимается позиция того профсоюза, в котором состоит больше людей. Поскольку в официальный профсоюз входят автоматически (очень часто это является условием приема на предприятие), то ФНПР заведомо оказывается в выигрыше. На многих предприятиях были зафиксированы случаи, когда директор предприятия одновременно был и главой профсоюза. Одно лицо. Вот так и получается, что независимые профсоюзы в случае конфликта лишаются права голоса.

Так составлялось трудовое законодательство. А конфликты явно начинают назревать, и в результате каждый трудовой конфликт приводит к очень неприятным последствиям и поощряет не очень честные действия со стороны предпринимателя.

Весьма показательно и интересно последнее очень крупное трудовое дело. В отделении ОАО «РЖД» «Российские железные дороги Подмосковья» контролерам-ревизорам – тем, кто проверяет билеты и взимает штрафы за безбилетный проезд, был «спущен» план на штрафы. Контролеры возмутились и создали независимый профсоюз, отделение профсоюза «Защита». Конфликт стал развиваться, и я вошел в это дело. Поскольку «РЖД» – акционерное общество, суммы собранных за безбилетный проезд штрафов должны перечисляться компании. Мы вместе с депутатом Олегом Шеиным подняли графы бюджета ОАО «РЖД» и выяснили, что соответствующей графы просто нет. Огромные суммы уходят в никуда. Подняли этот вопрос на уровне Подмосковья, и в этот момент деньги появились в областном бюджете. И сумма оказалась, в переводе на доллары, три с половиной миллиона. И это только в одном регионе – в Московской области – меньше, чем за год, и это прямой, не облагаемый налогом, доход. Чей?

А.Б.: Неизвестно чей?

С.М.: Руководства ОАО «РЖД». Максимум, чего нам удалось добиться, это предписания от прокуратуры прекратить данную практику. Но прокуратура отказалась возбуждать

уголовные дела, иначе ей пришлось бы возбуждать уголовное дело против одной из крупнейших олигархических компаний России. А руководитель независимого профсоюза был уволен с работы, и до сих пор его отказываются восстановить. Административный рычаг находится в руках у власти.

Могу привести еще один интересный пример, когда ко мне обратились работники бывшего телеканала, где прошли массовые незаконные увольнения. Я им сказал: «Мне неудобно работать с каждым из вас в отдельности. Ваши требования абсолютно законны, а увольнения незаконны. Вот вы организуйте вместе профсоюз». Они мне ответили: «Как это мы должны организовать профсоюз?! Куда-то еще входить?!» В результате их всех уволили.

А.Б.: А Вы можете привести какие-нибудь примеры успешных действий профсоюзов?

С.М.: Есть такие примеры. Это – те же авиадиспетчеры, о которых мы говорили. Путем голодовки они смогли победить, смогли отстоять свои права¹³. Но это очень четко видно, это – представители тех очень необходимых профессий, которые создают государству и дают человеку реальные доходы. А как организовать профсоюзное движение работников в университете, школе, академической среде? Сейчас пытаются организоваться работники образования как средней школы, так и вузов, поскольку условия их работы просто бедственные и продолжающие ухудшаться во многих регионах, несмотря на все национальные программы.

Также к сфере образования относятся студенческие профсоюзы, об опыте одного из них – независимого профсоюза «Студенческая защита» – хотелось бы рассказать подробнее.

В левом движении в середине 90-х появилась идея о необходимости смены политических лозунгов, поскольку они играют на руку традиционной компартии. С другой стороны, была мысль, что людям ближе социальные интересы и с них надо начинать. Ведь и среди студентов наиболее популярными были лозунги повышения стипендий, отсрочки от армии, возможности выбирать предметы и т.п. При этом, когда удавалось добиться чего-нибудь на минимальном уровне, почему-то считалось, что это уже радикализм. У парижских студентов 1968 года был лозунг: «Будьте реалистами – требуйте невозможного!» После того как мы стали требовать самые минимальные вещи, нас обозвали «ультрарадикалами» и пособниками «красных бригад». Кем только не называли!

Появление же профсоюза с широкой идеологией – «Студенческая защита» – у многих идейных левых вызвало ярко выраженную антипатию. Но на мой взгляд, это был один из самых удачных проектов не только профсоюзного, но и левого движения. Мы смогли резко поднять численность участников. За счет чего? За счет того, что это было весело, это было «круто». Все реальные, непосредственно нас касающиеся требования выдвигались «снизу» и сразу находили поддержку «наверху».

А.Б.: Это не только в Москве было?

С.М.: Нет-нет. Во многих городах: Тула, Новосибирск, Ростов. Всего в профсоюзе состояло 10-15 тысяч человек. Значительная часть, если не большинство, – абсолютно пассивные, просто написавшие заявления, но тем не менее крупнейшие акции, которые могли провести

левые, – это акции «Студзащиты».

А.Б.: Как это происходило?

С.М.: 12 апреля 1994 года проходил митинг РАПОС с требованием «Повысьте зарплату!». Туда приходит «Студзащита», уводит весь народ от РАПОСовцев и начинает несанкционированное массовое шествие к Белому дому. На следующий год с призывом «Ребята, повторим то, что было веселого в прошлом году» пошли опять же в центр. Но на этот раз все оказалось намного жестче, потому что милиции было больше, появился ОМОН. Но и демонстрация оказалась многочисленнее. По дороге несколько раз милиция призывала остановиться и «обрезала хвосты». Выхватывали и «винтили» идущих сзади. Арбат был перекрыт, но переулками, меняя тактику, нам удалось несколько раз обойти кордоны милиции. На Арбате разгромили офис «Олби» (это одна из правых корпораций), подошли к Министерству обороны, стены которого облили краской, протестуя против уже шедшей войны на Кавказе, и проследовали до Манежа. На Манежной ОМОН разрезал демонстрацию на три части, две из которых рассеяли и частично задержали. Но голова колонны – человек 150 – попыталась выйти на Красную площадь, прошла у Александровского сада и вышла к Театральной. Там стояли фашисты, которые устроили драку.

А.Б.: Что еще было?

С.М.: 23 февраля 1995 года устроили вместе с неформалами пацифистское шествие от Арбата. Причем оно не было рассеяно, хотя было несанкционированное. На площадке МГУ в октябре 94-го тоже устроили демонстрацию. Милиция пыталась натравить тогда местных студентов на нас (мол, это – «коммуняки»).

А.Б.: Удалось договориться?

С.М.: Нет, договориться не удалось, удалось предотвратить столкновения, но кое-кого задержали, человек десять.

Проводили собственные пресс-конференции, после которых устраивали собрания или просто тусовки. Налаживали связи с организациями Украины, Молдовы и особенно Беларуси, где как раз начался подъем антилукашенковского молодежного движения. Поднимали вопросы продвижения требований студентов, но удавалось только самое простое. Например, свободное перемещение внутри студенческого общежития, выплата стипендий без задержек, предоставление помещения внутри вуза – у каждого вуза были свои требования. Политическая же работа была на очень низком уровне. Сильно распространялось мнение: будешь «активничать» – будет только хуже. Мы начали разрабатывать собственный законопроект от лица учащейся молодежи, который пытались провести через Госдуму. Этот проект должен лежать у меня дома. Сейчас об этом уже стали забывать.

А.Б.: Удалось ли его довести до голосования в Думе?

С.М.: Насколько я помню, коммунисты побоялись его выдвинуть на официальное голосование, а других своих фракций тогда не было вообще.

После 95-го активность «Студзащиты» пошла вниз, и причин тому много. Мы получали по тем временам огромное количество писем, около десяти тысяч. Буквально, человек приезжает из Новосибирска и привозит пачки заявлений. В то же время, к сожалению, в том же Новосибирске целые группы вступали в «Студзащиту» потому, что в официальный профсоюз надо платить взносы, а в «Студзащиту» не надо. Мы не знали, что делать, как аккумулировать эти массы народа. КПРФ занялась предвыборной гонкой. Член исполкома «Студзащиты» Даша Митина стала депутатом Госдумы от этой партии и тащила всех комсомольцев из «Студзащиты» туда. Плюс еще проблема финансирования акций и всей деятельности тоже была. Сыграли свою роль и идейные противоречия, и хотя споров особенно не было, но на одной из конференций группа анархистов стала опорожнять бутылки и швырять их в выступающих. Правда, на следующий день все уже вместе сидели и дружно пили.

А.Б.: Опорожняли бутылки для следующего раза? Да, я помню, было и такое. В Музее Ленина была конференция. Что-то кому-то не понравилось, и они так поступили.

С.М.: А комсомольцы попытались провести на нее членов КПРФ, и это было пресечено.

Такие явления, как «Студзащита», к сожалению, не перерастали в систему. Мы попытались разработать механизмы передачи активности студентам младших курсов. Политические активисты разных групп договорились между собой, что не будут трогать идеологию, поэтому в профсоюзе мог оказаться кто угодно. На левой груди, как поется, профиль Сталина, на правой – батя Махно. Радикалы с трудом терпели меня, так как я из социал-демократов, но при этом говорили, мол, ты не выходи, у нас есть и умеренные. Я у них фигурировал как член социалдемократической партии (что само по себе было довольно уморительно), только для того, чтобы представлять, показывать, что в «Студзащите» есть не только леворадикальные «уроды». Хотя я, конечно, мог выпендриться и тоже понести что-то радикальное. Но основная студенческая масса реагировала примерно так: «О, у вас весело, круто, вы нас ведите, а мы вас будем поддерживать!» Я их спрашивал: «Ребята, а вы сами можете что-нибудь организовать?» – «Ну, нет». То есть воссоздать эту систему, чтобы в ней произошла ротация, было чрезвычайно трудно. Тем более что начался кадровый голод – часть анархистов отошла, часть левых тоже, комсомольцы переключились.

Я знаю, что сейчас есть попытки воссоздать этот опыт, люди пытаются воспроизвести наши действия буквально на общественных началах, но начинают с тех же ошибок, потому что нет опыта, нет передачи опыта. Я переключился начиная с 96-го года на «Хранителей радуги» и другие экологические движения. Некоторые из «Студзащиты» – на что-то другое.

А.Б.: А почему? Вам показалось, что это нечто более мобильное?

С.М.: Мобильное или нет, но там была реальная работа. «Студзащита» так и осталась, с одной стороны, показателем возможностей – того, что можно, а с другой стороны – показателем кратковременности серьезной работы. С 95-го года уже чувствовался раскол. Хотя нас еще боялись, и представителя московского комитета «Студзащиты» Дмитрия Петрова приглашал к себе Михаил Шмаков, председатель ФНПР, и уговаривал, что, мол,

ребята, не надо так.

А.Б.: А где, какие отделения были еще? На каких факультетах преимущественно?

С.М.: На гуманитарных больше. Отделение было даже у меня в Юридической академии. Более того, я даже не знал некоторое время, что у меня в вузе существует это отделение. Сначала я просто удивился, что все стены туалета обклеены листовками «Студзащиты». В вузе стены не принадлежат студентам, а вот в туалете наклеенные листовки не обрывают [смеется].

А.Б.: А были ли связи с другими профсоюзными организациями? Совместные действия?

С.М.: Связи некоторые существовали. Например с профсоюзом «Защита» Леонова. Но в какой-то момент я понял, что его лидер как будто бы боялся выступать вместе со «Студзащитой». Мы пытались общаться с рабочими профсоюзами, лозунги писали общие. Но идейные рабочие были очень сильно идеологизированы, а студенты чаще выступали за деидеологизацию, поэтому устойчивого взаимодействия не получилось. И еще работала пропаганда, которая «Студзащиту» представляла как молодую, независимую. Я помню такой сюжет по телевидению: показывали совещание непримиримой оппозиции, а потом показали сбор активной молодежи как конкурентов.

А.Б.: Какие вузы были представлены в «Студенческой защите»?

С.М.: Из Москвы практически все крупнейшие – МГУ, Технологический университет, Юридическая академия, МАИ, Бауманский (МВТУ, очень активные были в Бауманке), Педагогический, не помню, какой именно, тоже активный, и даже Институт управления. МГИМО точно не было. Всех не помню, потому что лично не спрашивал, кто откуда. Очень часто сменялись люди, участвующие в одной или другой акции. Просто целый калейдоскоп людей. Не было четкой структуры, и это было нашим недостатком, мы не могли точно сказать, сколько у нас людей в каком-либо вузе. То вдруг приходит из одного вуза двадцать человек, то после этого мы не можем никого найти. Плавающий контингент. Постоянно видели некоторых старых членов, кого-то новых еще, отдельные группы.

Это – одна из характеристик студенческой среды, она «плавающая». У этой массы может быть большая энергетика, но нет постоянного интереса. Люди исчезают, переходя из вуза на работу, остаются разве что аспиранты.

Передо мной как преподавателем вставал такой вопрос: как я могу выразить свое недовольство, довести его до администрации. Существуют только два рычага. Либо ты приходишь к декану, если имеешь к нему доступ, и лично разговариваешь, стараясь решить вопрос коротким путем, или жалуешься вышестоящему начальству, пишешь, обращаешься. Либо ты разговариваешь с другими преподавателями, но непонятно, какие рычаги воздействия на администрацию при этом можно использовать. В «Студзащите» мы использовали депутатские запросы, жалобы в прокуратуру, просили провести прокурорскую проверку. Прокурорских проверок боялись, ведь даже для того, чтобы в ней отказать, прокуратура должна была разгласить информацию, неудобную администрации.

А.Б.: Вопрос на самом деле остается открытым. Вы правы: степень мобилизации в интеллектуальной среде крайне невелика и объективно не может быть очень большой. Именно потому, что там все спонтанно, не работает идеология.

С.М.: Все-таки мне кажется, что если ее поднять на какие-то либеральные идеи, то активность будет относительно велика. Но только на либеральные. На социальные задачи, к сожалению, у либералов энергии нет, особенно в России.

А.Б.: Я, правда, помню, что в какой-то момент в 96-м году к шахтерам присоединились работники научных учреждений, которые шли маршем к Белому дому. Я помню, с какими лозунгами они выступали. Я тогда пришел на Горбатый мостик. И это было довольно удручающе. Первый лозунг был – снять Ельцина, второй – повысить зарплату, третий – «сохранить научно-технический потенциал России». Маленькую делегацию из них пригласили в Белый дом. И они восторженно передавали по рации: «Нас сейчас примут! Нас принимает замминистра. Мы уже входим. По красной ковровой дорожке...» И так далее. Это та самая вера в хорошую власть, о чем Вы говорили. Им что-то пообещали, они разъехались, и все.

С.М.: На днях я обсуждал эту ситуацию с одним госчиновником. Он сказал, что до тех пор, пока не будет людей, которые сами владеют, распоряжаются, имеют противостоящие власти интересы, рабочая масса всегда будет слабоинициативна. Она нужна кому-то, только чтобы показать силу, а не сама по себе. Даже в ситуациях противостояния на Горбатовом мостике и стучания касками люди все равно были похожи на просителей, которые стучат шапками. Это был определенный радикализм, но никакого осознания себя равноправной стороной в противостоянии не было и в помине. И это очень внятно чувствовалось властями и использовалось. Всех, кто не поддался на обещания, называли профессиональными революционерами, что висело как клеймо и вело к потере работы. Действия власти были абсолютно понятны.

А.Б.: С Вашей точки зрения, сейчас никаких постоянно действующих профсоюзов, которые влияли бы на ситуацию в масштабе всей страны, а не отдельного предприятия, нет? И в интеллектуальной и студенческой среде их нет?

С.М.: Я думаю, что в студенческой среде надо создавать не профсоюзное движение – это дело представителей именно профессиональных групп. Но в задачи профсоюзного движения должна входить защита студентов отраслевых вузов. Движение нужно для того, чтобы студенты почувствовали себя в профсоюзной среде. Такое профсоюзное движение также нужно потому, что студенты сейчас настроены в большей степени на трудоустройство и связь с отраслями может оказаться полезной. И мне как человеку, работающему в правовой области, это поможет завязать контакты.

А.Б.: Но сейчас есть проблема во всех вузах – начиная с мелких и кончая МГУ, – когда выпускников больше, чем рабочих мест и в университетах, и на производстве. Когда возникают такие виртуальные очереди на занятие поста в университетах. И если ты встаешь в позу и не подчиняешься требованиям, то на твое место на худших условиях придет следующий из очереди.

С.М.: Это всегда знали. Для того и нужен профсоюз, который должен говорить, что под нашим контролем находятся такие-то и такие-то предприятия и у них своя очередь на подбор выпускников ваших вузов. То есть получается, что надо начинать сначала и снова обучать профсоюзы методам коллективной работы и взаимодействия между собой. Нужно добиться, чтобы предприятие в той или иной мере находилось под контролем профсоюза работников, участвующего в управлении, владеющего и голосующего пакетом акций и оказывающего существенное влияние в том числе на кадровую политику. И каждый член профсоюза сможет понять, что профсоюз не позволит его увольнять просто так. Но сейчас этого нет, и в законодательстве специально сделано так, чтобы этого не было. И все решается не федеральным трудовым законодательством, а спущено на низовой уровень. Ведь помимо запрещения забастовок солидарности был введен порядок, при котором все решается на уровне индивидуальных и коллективных трудовых договоров.

Вообще на многих предприятиях нет людей, которые способны составить грамотный коллективный договор. Есть один юрист – работодателя, и понятно, в чью пользу он договор составляет. Понятно, в чью пользу делается этот низовой уровень контроля – в пользу работодателя. Когда возникает какой-то конфликт, возникает, с одной стороны, профсоюз с его юристами, а с другой – юристы работодателя, предпринимателя. И получается, что два объекта спора отнюдь не рабочие, а две крупные организации.

А.Б.: Профессиональные борцы

С.М.: Да, верно. И предпринимателя как бы нет, есть некий кадровый список, состав. Поэтому получается, что надо работать с профессиональным юристом, который обслуживает предпринимателя. С администрацией, которая может в любой момент на него надавить. Сейчас по трудовым делам наиболее серьезные социальные конфликты происходят только в очень специальных сферах – там, где есть артисты, профессиональные спортсмены и пр., которые могут пригласить профессионального юриста. И второй вариант – топ-менеджер против работодателя. И еще когда весь коллектив завода против работодателя. Но такие случаи чрезвычайно редки, поэтому наиболее представлены первые два варианта.

А.Б.: Были ли такие случаи, когда люди, получившие опыт организованного сопротивления на одном предприятии, после увольнения каким-то образом передавали его на другое? Это как-то транслируется, аккумулируется?

С.М.: На каком-то уровне – да, но системы нет. Каждый понимает необходимость таких связей, но при таком низком материальном уровне рисковать своим достатком решается не каждый.

По трудовым конфликтам есть организация, ассоциация юристов- «трудоуиков», которые пытаются создать наработку общего опыта по всей стране. Есть данные, контакты. Есть еще ассоциация юристов- «трудоуиков» в Питере. Говорят, действует. И есть объединения «трудоуиков», но это на уровне теоретиков, вокруг вузов: юрфак МГУ, МГЮА. Я участвовал в проведении конференции в МГУ среди профессионалов по поводу принятия нового Трудового кодекса. Там были не только юристы, в том числе адвокаты, но и представители

профсоюзов и представители правительства и администрации. [...]

Публикуется впервые

Иркутск, 2008: Социальный форум в России

Станислав Маркелов был одним из модераторов Пятого социального форума, проходившего 8-10 августа 2008 г. в Иркутске. Его выступление является откликом на статью Карин Клеман «Социальный форум показал растущую политизацию социальных активистов» на сайте ИКД.

Социальный форум в России – вещь очень странная и метафизическая. Как и очень многое в нашей стране, она не поддается разумному осмыслению, возникает спорадически в разных регионах, и иностранцы, пытающиеся разобраться в перипетиях нашего социального движения, сразу же хватаются за голову. Причем со временем это впечатление и не думает ослабевать, подтверждая тезис, что мы страна с непредсказуемыми возможностями и со столь же непредсказуемыми людьми, транжирящими эти возможности.

Если 1-й Социальный форум прошел на ура¹⁴, то 2-й помогли сорвать все правоохранные органы вместе взятые, оставляя после него воспоминания в виде сводок о «беспределе» силовиков напополам с их же идиотизмом, как во фразе протокола милицейского задержания: «Ругался матом на швейцарском языке»¹⁵.

После такой «радости» от общения с правоохранительными органами на общероссийский форум уже никто не замахивался, и разнообразный социальный актив проявлялся на сборищах непонятного статуса, типа «совещания социальных движений стран СНГ» 3 ноября прошлого года в Москве или украинского соцфорума в первых числах мая этого года. Правда, отсутствие статусности и ограниченный состав не мешал веселости и значимости происходящего, но подобная социальная партизанщина стала надоедать даже самим участникам соцдвижения.

Как всегда, на помощь европейской России приходит Сибирь, недаром на протяжении нескольких веков туда под конвоем привозили лучших людей, готовя базу для помощи центральным регионам и задыхающейся от собственной значимости столице.

В результате единого соцфорума у нас уже много лет как нет, а социальным активистам приходится адаптироваться к сибирским условиям, каждый год приезжая в новый город, принимающий у себя кучу гостей.

В этом году адаптация была наиболее трудной, поскольку проживание в поставленных прямо на болоте промерзших домиках без окон, создало впечатление подготовки к еще более тяжким условиям в местах не столь отдаленных. Впрочем, это была единственная сложность для форума, который прошел на удивление гладко, бесконфликтно и терпимо к

трудностям в лучших сибирских традициях.

Активисты соцдвижения уже привыкли друг к другу и наконец-то стали забывать бесконечное медитативное заклинание к организационному объединению, тем более что чем больше и чаще их повторяют, тем дальше от объединения социальные движения. Вы можете представить в одной организации активистов из СПС и РКРП, которые были на Сибирском форуме, правозащитников и радикальных коммунистов, антифа и НБП?

Такие объединения возможны только в больном сознании организаторов всеобщих коалиций типа Национальной Ассамблеи¹⁶.

С другой стороны, когда дело касается противостояния точечной застройке, незаконному выселению из общежитий, захвату земли, борьбы за экологические права и многих других конкретных акций, вопрос идеологии и партийной принадлежности исчезает как малозначительный. Объединяют дела, а не идеи, и участники соцдвижения наконец поняли, что инициирование общих дел намного важнее, чем создание бесконечных новых объединений и структур.

Основным итогом Соцфорума стало объявление 25 октября Всероссийским протестным днем с попыткой продления и расширения практики Дня единых действий, который состоялся 26 января этого года. Очень важно, что Сибирский соцфорум, формально выступающий как региональный, выдвинул итогом своей работы общероссийскую инициативу, дав тем самым импульс к необходимости перехода от региональных акций к общероссийским.

Безусловным прогрессом выглядит то, что социальные активисты перестали бесконечно жаловаться только на собственные проблемы, а приехали с методиками их разрешения, с тем, чтобы поделиться своими наработками с такими же неугомонными борцами из других регионов. Пожалуй, правовая секция в этом плане была самым ярким примером, поскольку она собрала больше всего людей, обошлась без «проходных выступлений» и без стенаний о том, как в каждом регионе плохо живется.

Напротив, представители Сургута, Иркутска, Москвы, Перми и многих других городов, имеющие за плечами не один год работы с судами и правоохранительными органами, делились рекомендациями о том, как можно пробивать стену правового неприятия социальных требований со стороны власти и как отстаивать свои права в заведомо невыгодных условиях общения с судами, прокуратурой, милицией и пр.

Любопытно, что этот Соцфорум был, пожалуй, первым, где участники антифа-движения, обычно действующие автономно, активно работали, причем не только у себя на секции, но и на многих других кружках и заседаниях форума.

Можно порадоваться, что наконец хоть как-то налаживается работа с информационным обеспечением форума. Деятельность столь масштабных объединений перестает быть новостью только для самих себя.

Сможет ли единая акция 25 октября стать новостью по всей стране, уже будет зависеть от всех нас, в том числе и не присутствовавших в Иркутске в дни проведения соцфорума.

Мальме, 2008: Социальный форум – место, где представители Южной Осетии, Абхазии и Грузии пожали друг другу руки

В Швеции в г. Мальме 17–21 сентября 2008 г. проходил Европейский социальный форум, на котором Станислав Маркелов организовал семинар по Северному Кавказу

Когда приходишь в себя после сумасшествия крупных мероприятий, сразу возникает вопрос: «Что в итоге? Какой осадок остается после мути бесконечных споров, бытовых неурядиц, столкновений и попытки выбраться из муравейника под названием Социальный форум?» Муть и впечатления еще не осели, но пройдет неделя, месяц и выводы будут уже неинтересны, поэтому накопившийся осадок лучше выплеснуть сейчас, чтобы не оставлять его в себе и не сталкиваться с теми же самыми впечатлениями и раздумьями на следующем форуме. Итак.

КРИЗИС ФОРМЫ

Социальный форум изначально имел очень удобный вид, позволяющий вытаскивать на обсуждение каждую тему, наработать международные связи и включать в референтную группу столько людей, сколько заинтересует твоя тема. Но идеальных форм не бывает, и первоначальные плюсы постепенно превратились в существенные минусы.

Выбор семинаров определяется неким «советом старейшин», т.е. людьми, которые, по сути, и выстраивают общую линию и политику форума. Возникают внутрифорумская элита и бюрократия даже в столь гибком и динамичном объединении. От российской делегации на этом форуме были заблокированы ряд тем, которые для нас явились бы существенными. С другой стороны, некоторые семинары просто дублировали друг друга, и их разница определялась только составом организаторов.

За проведение конференции или семинара на форуме нужно платить определенные деньги. Для большинства западных организаций эта сумма выглядит минимальной, для организаций из Восточной Европы очень часто неподъемной. Оргкомитет справедливо решил, что представители Восточной Европы не должны платить за свои семинары. Однако подобная ситуация приводит к тому, что восточноевропейские представители изначально оказываются в роли младших партнеров и лишены права голоса.

Самое главное – семинар как метод обсуждения темы явно исчерпывает себя. Вместо выяснения проблем и мозгового штурма по их решению каждая из организаций или ее

представитель спешат разрекламировать свою позицию и продемонстрировать собственную значимость. Получается, что семинары проводятся ради семинаров.

В результате возникает ситуация, когда даже альтернативные полуанархистские мероприятия подчас выглядят более живыми и динамичными, чем пережевывание одних и тех же речей на официальных конференциях соцфорума.

Собственно Социальный форум так бы и превратился в общественнополитический плебисцит, если бы не массовые акции, которые поставили еще один животрепещущий вопрос, мучающий участников Соцфорума со дня его появления. А именно:

ДОПУСТИМОСТЬ НАСИЛИЯ

Как легко было бы ответить, что насилие недопустимо, и поставить на этом точку. Но когда вы откроете крупнейшие таблоиды, вы не найдете ни слова о значительных заседаниях, умных речах и достигнутых соглашениях. Зато тема бунта, пары сожженных автомобилей и пусть даже небольших стычек с полицией становится темой дня у крупнейших мировых информационных агентств.

Насилие демонстрационное, ограниченное, театральное становится пиар-акцией и более того – единственной возможной пиар-акцией социального движения. Социальный форум, будучи левым мероприятием, действуя во внешних капиталистических условиях, вынужден в них вписываться. Правила масс-медиа этого капиталистического окружения гласят, что прессу интересует картинка, «экшн» события, а внутреннее содержание исчезает за ненужностью. Заголовок «Хаос в Мальме» висел на первых страницах всех шведских изданий, хотя беспорядки затронули только один квартал, поскольку основные силы радикальных антифа и «Черного блока» были обращены на Германию, где предотвращалась массовая нацистская демонстрация. Но даже малое число левых радикалов создало большой информационный эффект, чем все организационные усилия активистов Соцфорума.

Так какой тогда существует способ заявить о себе левому движению, кроме демонстрации насилия?

Все понимают, что беспорядки не приведут к радикальному изменению ситуации, они подконтрольны и изначально подготовлены всеми сторонами, включая администрацию города, и рассматриваются как изюм в антиглобалистской булке. Среди владельцев бутиков, наверное, даже идет тендер, на чьей улице пройдут беспорядки, чтобы содрать полагающийся куш со страховых компаний. Полиция получает нормальный опыт боевой подготовки, который пригодится для ликвидации действительных волнений, а журналисты наконец увидят настоящий и красочный информационный повод.

Но не надо обвинять участников леворадикальных выступлений в их неискренности и позерстве. Если благополучие западных стран построено на постоянном ограблении регионов третьего мира, то как еще им напомнить, что они блаженствуют на наворованном? Все 90-е годы из России за бесценку вывозили сырье, оборудование, все, что накапливалось

адским трудом многих поколений, и вывозили, в том числе в сытую довольную Швецию. Нас грабили десять лет. Страны Азии, Африки, Латинской Америки грабят столетиями. Каким еще способом, кроме сожженной полицейской машины, можно напомнить о том, что благополучие на отнятом у других очень зыбкое и так же завтра может быть отнято у нынешних хозяев? Если житель Западной Европы понимает, что существовать на наворованном не совсем хорошо, то как еще ему выразить свой личный протест, чтобы быть реально услышанным? Любые речи вянут и тонут в тине бесконечных диспутов, едва успев начаться. Вот и приходится вместе выворачивать камни из мостовых и ловить на свою грудь удары полицейских дубинок.

Эта игра опасна ввиду того, что адреналин может перейти за грань меры и никто не отвечает за последствия. Один убитый во время Соцфорума в Генуе уже обозначил переход за некую черту. Но кто мне подскажет способ, при котором недовольство несправедливой системой можно донести до каждого обывателя? Чтобы он почувствовал неудобство хотя бы через «ужасные» снимки местных развлекательных изданий.

Я не буду говорить о персоналиях, но даже на официальной демонстрации число участников радикальных колонн (синдикалисты, радикальные зеленые, «Черный блок» и т.д.) ПРЕВЫСИЛО число тех, кто хотел бы принять участие в собственно так называемой «российской колонне». И тут мы приходим к следующей большой для нас теме –

РОССИЙСКИЙ ФАКТОР

По итогам форума у нас возникла идея провести собственный флэшмоб – на демонстрацию вывести колонну под транспарантом «Russian Revolution Tourists» (русские революционные туристы). В качестве речевок использовать: «Duty Free» и «All inclusive». В качестве растяжек сойдут лозунги: «Абсолют» – круглые сутки и бесплатно», «Приурочьте Соцфорум к распродажам». Вместо флагов сойдут китайские рисовые баулы. Такая колонна наверняка привлечет внимание остальных участников и прессы и наконец наша делегация будет полностью замечена.

На самом деле, если бы не приступы комплекса неполноценности, то подобный сатирический флэш-моб вполне можно было бы провести. В реальности же российская делегация традиционно оказывается на обочине и смотрится лишней шестеренкой в большом европейском социальном движении.

Наши темы непонятны на Западе, социальная проблематика, с которой мы приходим на форум, может вызвать интерес только у историков социальных отношений Запада в начале XIX века. Внутренняя грызня российских организаций давно выглядит основной формой деятельности социальных активистов. Разрыв между теми, кто постоянно представляет на Западе, и теми, кто реально что-то делает внутри страны, уже стал притчей во языцех.

Удалось ли на сей раз хоть как-то прорвать такое представление, как в известной формуле о русских туристах: «Туристы из России были, но, слава богу, все обошлось»? Скорее нет, чем да.

Дело даже не в туристах, какой-то процент их всегда будет. Проверить человека до конца невозможно, а необходимость «привоза» новых кадров активистов на международный форум всегда создает риск появления любителей революционного шопинга. Это зло неизбежно. Другое дело, что социального движения в европейском понимании в России до сих пор нет. Есть отдельные течения, не сформировавшиеся в единую социальную волну. Протестники, которых обычно интересуют проблемы собственного двора, и дальше они не смотрят; антифашисты, застрявшие на стадии уличных разборок с наци-скинами; теоретики, на протяжении всей своей жизни думающие, как бы реанимировать Маркса, и т. д. Сделать представительство из прото-элементов еще не появившегося социального движения невозможно.

Социальное положение в России и странах СНГ резко отличается от социальных нужд Европы. Наши темы непонятны им, их темы не интересны нам. Много ли российских активистов пойдет на семинары по вопросам феминизма, защиты геев или помощи активистам из Африки, Азии и других развивающихся регионов? Единицы, и то случайно. Когда же мы начинаем говорить о наших проблемах и бедах, то приходится рассказывать не только о нас, но и обо всей специфике российских условий. Обмена мнениями не получается, в лучшем случае – только вводная лекция с надеждой на последующий интерес.

В этом плане характерны семинары по антифа-тематике. Если активисты в Швеции говорили о борьбе за двух сомалийских рабочих, которых несправедливо депортируют, то российским антифашистам пришлось предъявить список убитых. На вопрос западных товарищей: «Это убитые эмигранты?» – россияне вынуждены были ответить: «Нет – это только убитые активисты-антифашисты, а эмигрантов у нас убивают регулярно, каждую неделю, и их перечисление заняло бы время всей конференции».

На другом семинаре по той же теме встал вопрос: «Почему ничего не слышно о российских антифа?» Тогда у немногочисленных антифа из России пришлось спросить: «Информацию о ком из них с угрозами вывешивали на нацистских праворадикальных сайтах?» Подняли руки почти все.

Условия нашей деятельности слишком различны, чтобы говорить об общих целях и задачах. Это данность, формат Социального форума позволяет сблизиться, но не более. Частью европейского социального движения насильственно стать мы не можем.

Может ли тогда отдельная российская колонна на демонстрации сыграть роль представительства российской делегации? Это старый фетиш, который рушится каждый раз, когда он возникает в реальности. На общих демонстрациях национальных колонн нет. Более того, это даже противоречит духу Социального форума, где все делятся по принципу взглядов, а не национального происхождения. Внутри так называемой «российской делегации» взгляды бывают столь же несовместимы. Можете ли вы представить, что я пойду под маразматический речитатив: «Кто шагает дружно в ряд – комсомольцев наш отряд»? Я не могу! Так что же вы меня насильственно запихиваете в какую-то единую колонну?

Достаточно и того, что мы можем делать свои точки прорыва, используя для этого платформу Социального форума. Во всяком случае, на форуме нам удалось:

СДЕЛАТЬ ТО, ЧТО НЕ ПОЛУЧАЛОСЬ В РОДНЫХ СТЕНАХ

На очень нервном, напряженном и одном из самых многочисленных семинаров по вопросам Кавказа представители Южной Осетии, Абхазии и Грузии пожали друг другу руки и договорились о сотрудничестве. Причем не просто о формальном дипломатическом уважении друг к другу, а о вполне конкретных вещах, с которых и начинаются мирные отношения между народами, будь это захоронение погибших, доступ к могилам, единые дороги, возможность проезда через территории и т.д.

Об этом не напишут газеты, и об этом будут молчать крупнейшие таблоиды. Не потому, что это не событие, а из-за того, что это невыгодно. В эту же секунду, как участники семинара договаривались об общих мерах по достижению мира, шведское телевидение показывало кадры с пострадавшими из Цхинвала, а подпись под кадрами была «Гори», и голос комментатора говорил о зверствах российских войск в Грузии¹⁷.

Неважно, кто прав или виноват в конфликте, важно, что властям конфликт выгоден и они всегда будут его раздувать усилиями дипломатии и своих СМИ. Пропуск на информационное пространство – это государственное насилие. О чем уже хорошо успели узнать участники Соцфорума. Теперь это наглядно увидели и представители делегации с Кавказа.

Их договоренности имеют значение для них самих и для нас, потому что они показывают наши реальные достижения и то, ради чего затевается все это масштабное безумство под названием Социальный форум.

Наши достижения, будь то договоренность о мире, социальной защите, экологической помощи или многом другом, никогда не станут основой выпусков новостей.

Ну что же, эти условия предложены не нами, и, вписываясь в них, мы предлагаем свою картину в виде закрытых лиц, смотрящих в глаза полиции.

Уж в этом мы действительно смогли войти в европейское социальное движение.

Опубликовано 26 сентября 2009 г. на сайте Институт Коллективного действия: www.ikd.ru

Прифронтная полоса

Можем радоваться: мы полностью выполнили желание наших властей и привыкаем к сводкам с фронта, как к соревнованиям, идущим в новостях перед Олимпийскими играми. Пока они задевают за живое, но пройдет несколько лет, и, подобно войне в Чечне, мы будем с раздражением взирать на очередное пропагандистское варево из информационного ящика с одной мыслью: «Когда наконец это кончится! Дайте нам спокойно посмотреть, как одни накаченные допингом спортсмены повышают престиж своих государств, обыгрывая

таких же накачанных фармакологией быков из других стран».

Война на Кавказе стала похожа на политическую Олимпиаду¹⁸. Все хотят ее продолжения, и только исчерпанность ресурсов войны не позволяет вести ее постоянно. Правительства оставляют только тлеющие угли от мирной жизни, заставляя народы танцевать на них и подсчитывать горы жертв от очередных миротворческих кампаний.

Августовский политический кризис в России стал уже предметом народной мифологии. Настолько обыденным, что на сей раз даже не стали устраивать парламентский фарс и дали кукольным депутатам отдохнуть на своих курортах. Власть явно сделала выводы из предыдущих кризисов, и, в отличие от всяческих дефолтов, нынешний только укрепляет позиции российского руководства, создавая патриотическую волну и долгожданно удовлетворяя ущемляемую последние пятнадцать лет национальную гордость. Только справимся ли мы с этой патриотической волной впоследствии?

Война – слишком выгодная вещь, чтобы длительное время ее не было. В Чечне ресурс войны уже исчерпан, и продолжать активные боевые действия сейчас незачем и политически опасно. Не проще ли расширить сферу конфликта на весь Северный Кавказ, ведь чеченские батальоны «Восток» и «Запад»¹⁹ уже успели повоевать в Южной Осетии, а сейчас и Грузии? Североосетинские добровольцы воюют там, это само собой разумеется. А какая радость для «солдат удачи», которые, приезжая на место конфликта, выбирают, за кого воевать в результате торга – кто больше заплатит.

Не надо быть пророком, чтобы предсказать, что случится, тем более что последствия войн на Кавказе уже «проходили». Сначала для восстановления Цхинвали вбухивается столько российских денег, на них можно покрыть золотом горы Северного Кавказа уже с южной стороны (для северной стороны уже кидали деньги при многократном и многогодичном восстановлении Грозного). Потом криминальные авторитеты станут авторитетами вполне легальными и продолжат свой бизнес на более чем официальных основаниях, правда, теми же методами. А затаенная злость у проигравшей стороны будет проявляться через 10–20–30 лет и более, потому что это Кавказ и там проигравших не бывает: либо погибшие, либо мстящие.

Как ни странно, и российская, и грузинская стороны удивительно похожи по своим социально-психологическим мотивам для начала войны. И у тех, и у других ущемленная национальная гордость в результате проигранных войн 90-х, потоков беженцев, собственных криминальных режимов и полного падения авторитета на международной арене. И те, и другие хотят восстановления авторитета, прежде всего в собственных глазах.

Грузинские военные так мечтали о войне, что за последние годы повысили свой военный бюджет в 30 раз, специально готовя военные подразделения к боевым действиям в лесистой местности. На этом фоне все мирные предложения Саакашвили выглядят не более чем политической ширмой. Достаточно было старшему американскому брату потрепать Мишу по загривку, как Грузия подумала, что за ее интересы тут же будет вступаться чуть ли не вся американская армия. По молодости и наивности грузинское руководство забыло, что американцы ратуют за свои интересы, а отнюдь не за грузинские.

В ответ на пацифистские трели Саакашвили под грохот грузинских снарядов, очищающих Цхинвали от мирных жителей, российское руководство придумало замечательный военный неологизм – «принуждение к миру». Этот перл достоин войти в анналы современной дипломатии в одном ряду с достопамятной «гуманитарной бомбардировкой», когда американцы исключительно из гуманитарных целей кидали бомбы на Белград²⁰. Принуждение к миру путем военных действий, артобстрелов и бомбардировок – это что-то из разряда лечения путем запуска в чумной барак или отрубания головы. Более саркастическое название, чем миротворцы, в отношении армии, являющейся одной из сторон конфликта, трудно себе представить.

В этих условиях, казалось бы, абсолютными жертвами выглядят осетины, пострадавшие больше всех. Это действительно так в отношении мирного населения. Но зачем Эдуарду Кокойты так упорно надо было провоцировать конфликт с Грузией, если осетинские формирования были смяты буквально за несколько часов и без помощи российской армии выглядели подростками с палками, противостоящими танкам. Я понимаю, что осетинскому руководству хотелось как можно быстрее разрубить гордиев узел собственной независимости и доказать всему миру, что с Грузией жить нельзя. Но неужели тысяча ни в чем не повинных собственных граждан – это нормальная цена для такой демонстрации?

Пока у Запада хватило ума только на одно – не вмешиваться в новую кавказскую войну. Если вмешаются в любых видах, то, по сути, это станет приговором западному сообществу. Надо быть абсолютно зомбированным пропагандой либеральных западных СМИ, чтобы не видеть, что вся эта прогрессивная мировая общественность уже и так сыграла роль козла-провокатора в конфликте, дав формальный сигнал к его началу. Они столько говорили нам, что косовский прецедент²¹ – это особый случай, не имеющий отношения к Южной Осетии и Абхазии, что стало казаться: европейские политики заранее отмываются от грехов в провоцировании конфликта. Как только им выгодно, они – глобалисты, любые свои требования распространяют на весь мир, а если выгода пропадает, то Косово в центре Европы становится особым случаем и применять методiku создания независимых государств уже нельзя. Кстати, почему это особый случай и чем Косово так отличается от любых непризнанных государств, ни один западный эксперт и не подумал объяснить. Видно, это просто мантра международной политики, которую надо не обсуждать, а ей слепо верить, повторяя за западными СМИ по двести раз на дню.

Впрочем, у нас своих информационных мантр хватает, и националпатриоты, для которых все кавказцы – недобитые чурки, вдруг яростно полюбили осетин и бросились избивать по городам России ничего не понимающих представителей грузинской диаспоры. Главное в порыве национального ража, по ходу дела, не избить какого-нибудь осетина, ну и нескольких русских заодно для компании. Патриотизм – это ведь дело такое, без крови и погромов выглядит слишком несерьезным и поклоунски смешным. А у нас теперь жизнь прифронтовая, и все должно быть серьезно, правда, без отрыва от просмотра Олимпиады и не нарушая священного права депутатов на отдых.

Прифронтовая полоса в отличие от патриотизма – вещь действительно очень серьезная. Кавказ становится новыми Балканами, где грань между политическим, социальным и военным конфликтами стирается за считанные часы. Точно так же, как стерлась эта грань у

грузинского руководства за несколько часов между объявлением мира²² и штурмом Цхинвали. Кавказ становится вечным очагом бандитизма, имеющим оправдание в виде многочисленных войн, полувойн и столь же предсказуемых будущих «принуждений к миру». Этот бандитизм не один раз проявится у нас на прифронтовой полосе.

Прифронтовая полоса всегда больше, чем линия фронта, и сейчас в нее попала вся Россия и все закавказские республики с другой стороны. На этой территории грань между войной и не войной призрачна и может аукнуться завтра очередным «Норд-Остом», взорванным домом или погромом силовиков, как в Благовещенске. Кормить эту войну мы будем все вместе, потому что на прифронтовой полосе волей-неволей вводятся особый порядок и чрезвычайное положение, даже если никто ничего формально не объявлял. И даже мир выглядит очередной передышкой перед новой военной кампанией.

Ведь, как говорил Оруэлл, – «ВОЙНА – ЭТО МИР».

А нас ждут новые «принуждения к миру», пока всех окончательно не перемирят, разумеется, без отрыва от просмотра олимпийского шоу и не прерывая отпусков наших драгоценных депутатов.

Опубликовано в августе 2008 г. на сайте Института верховенства права

Версия #2

Зверобой создал 15 апреля 2025 17:36:35

Зверобой обновил 15 апреля 2025 21:34:01